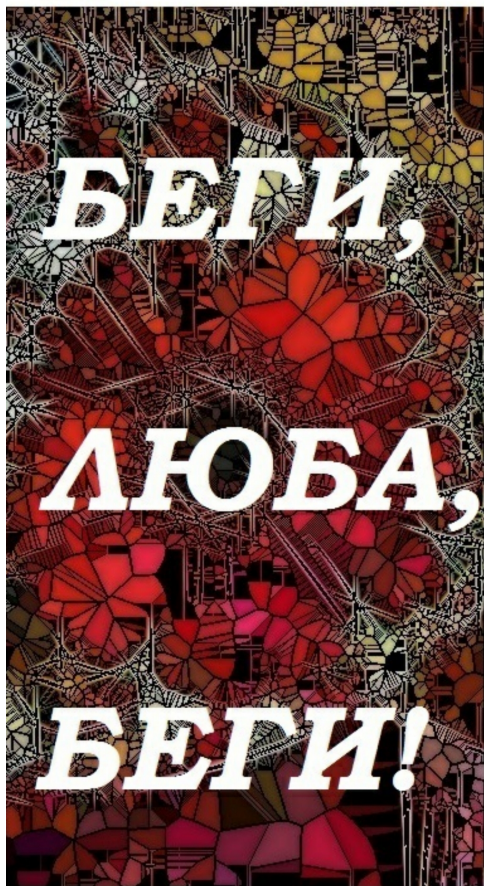

Лариса Ильина

БЕГИ, ЛЮБА, БЕГИ!

иронический детектив

16+

Лариса Анатольевна Ильина

Беги, Люба, беги!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42355251

SelfPub; 2019

Аннотация

– И чего еще этим мужикам надо? – вздохнут, качая головами сидящие возле подъезда бабульки, провожая взглядами миловидную стройную брюнетку. – И умница, и красавица! Вежливая, тихая! Хозяйка хорошая! Врач! Кардиолог! А Олег ее – муж никудышный, хоть и красавец... Одно слово – кобель! И нечего им возразить! Не слишком весела твоя семейная жизнь, Люба! Хорошо, что есть закадычная подружка, которая всегда поймет и поддержит... И так будет до тех пор, пока не нападут на тебя однажды весенним вечером в узком переулке какие-то отморозки, не попытаются столкнуть под машину, а по телефону не объявится отвратительный вездесущий маньяк... Без сокращений.

Я сцепила пальцы и поёжилась. В горле прочно обосновался горький пульсирующий комок. Стащив с плиты остывший чайник, я налила в чашку воды.

– Не могу больше... – с трудом сделав глоток, я всхлинула. – У меня сил нет... Когда только это всё кончится?!

В коридоре слышались шаги. В проеме кухонной двери образовался красавец-мужчина, дипломированный адвокат и по совместительству мой супруг. Одарив меня сверкающей презрительной улыбкой, он поправил воротничок белоснежной рубашки и усмехнулся:

– Хотя сию же секунду... Что, поискать свидетельство о браке?

Глядя в умопомрачительные сливовые глаза, я судорожно сглотнула, с превеликим трудом удерживаясь от слез. Их супруг не выносил. Но веки предательски набухали, пришлось опустить голову и разглядывать свои дрожащие пальцы.

– Ой! – гнусаво протянул Олег, застегивая манжеты. – Что тут у нас? Снова трясемься, поджав облезлый хвост? И перестань качаться, как припадочная! – заорал он, и стеклянный плафон под потолком отозвался глухим дребезжанием. – Хватит сырость разводить! Только и может, что рыдать! Смотреть противно... Не баба, а чёрт знает что!

Сдерживаться далее не хватило сил, я взвыла и заплакала, давась слезами. Олег с отвращением смотрел несколько секунд, злобно шарахнул кулаком о стену и выскочил в при-

хожую.

– Чтоб ты сдохла... – услышала я, потом громко хлопнула входная дверь, и всё стихло.

Стиснув руками голову, я привалилась к холодной стене и сползла на пол. Мне хотелось умереть.

Самое обидное было в том, что я снова не успела понять, из-за чего же мы сегодня поссорились. Хотя мы были женаты всего два года, эта милая забава прочно вошла в привычку, которую мало кто решился бы назвать хорошей. Однако муж всем способам выяснения отношений предпочитал именно этот, и поделаться с этим я ничего не могла.

Первый скандал, расставивший все точки над «i», произошел месяцев через семь после свадьбы, когда я, вернувшись с работы в неурочное время, застала любимого супруга в обществе весьма привлекательной блондинки. Муж пришёл в сильнейшее негодование, блондинка молча удалилась, красиво виляя крутыми бедрами, а я, наивно предположив, что имею полное право узнать, что происходит в моей собственной квартире, заработала в глаз, после чего целую неделю ходила на работу в тёмных очках.

Вы когда-нибудь видели кардиолога в чёрных очках? Если видели, значит, были у меня на приёме...

Через неделю последовало бурное примирение, клятвы в вечной любви и голубиное счастье. Но где-то глубоко, на самом доньшке хрупкой семейной вазы, уже скользнула чуть заметная трещинка...

Держась за стенку, я осторожно поднялась. Голова кружилась, и мысли путались. Добравшись до окна, рывком распахнула обе створки. В лицо пахнул свежий весенний ветер. Закрыв глаза, я глубоко вздохнула. Вдох... выдох... вдох... Сердце, послушно подлаживаясь под ритм дыхания, постепенно начинало биться ровнее.

«Господи, зачем я это делаю? – пришло вдруг в голову. – Глупая привычка: «вдох-выдох, вдох-выдох!» Кому это нужно?»

Я перегнулась через подоконник и открыла глаза. Третий этаж. Смешно... Мне ли этого не знать: счастливы, которым не довелось свалиться с такой высоты вниз головой, потом месяцами лежат в гипсе, терпеливо сращивая покрошенные в винегрет кости. А заботливые родственники тычут им в рот ложки с манной кашей... Но кто будет кормить меня? Олег? Ха-ха... Представляю...

Ну-ка, отойди от окна! Ты же врач! Не смеши людей... Ты же врач... Я развернулась и, стиснув кулаки, оглядела кухню. На столе стояла чашка с водой.

– Конечно! – я даже рассмеялась. И бросилась к висящей на стене аптечке. – Я же врач!

Так рванула хлипкие пластмассовые дверцы, что на руки посыпался целый ворох разноцветных упаковок. Схватив, сколько могла удержать, я вывалила лекарства на стол. Шаря трясущимися пальцами по гладким бокам коробок, долго не могла найти то, что искала.

– Вот! – Я схватила плоскую красно-белую упаковку и, вытащив блистер, принялась торопливо выдавливать таблетки.

Маленькие плоские колесики со стуком падали на стол, составляя причудливую белую мозаику. Я аккуратно убрала остальные лекарства, выбросила пустую упаковку и села, неотрывно глядя на пугающе-манящую белоснежную россыпь... Придвинула чашку. Легонько придавив указательным пальцем, потянула к себе ближний кружочек.

Ничего страшного... Не будет ничего страшного... Просто всё закончится: тоска, унижение, боль... И никогда не повторится. Потому что терпеть я больше не в силах. Потому что всё равно люблю этого бездушного мерзавца. Который любит только одно – втаптывать меня в грязь...

Я же врач... Я знаю все симптомы. Просто сердце начнет биться сильнее. Ему не привыкать... Ничего... Заложит уши. И ледяной холод, сковывающий ноги, потечёт вверх по жилам, стремительно превращаясь в расплавленный огонь...

Я закрыла глаза, и в следующее мгновение таблетка оказалась во рту, горькая, словно моя жизнь...

Гром телефонного звонка, раздавшийся из прихожей, заставил меня вскочить на ноги. От испуга чашка выскользнула из пальцев и опрокинулась, заливая рассыпанные по столу лекарства. В замешательстве я кинулась за тряпкой, потом бросила её и принялась судорожно собирать враз размякшие таблетки. Руки тряслись и не хотели слушаться. А телефон

звонил и звонил, будто издевался, разрывая мой и без того закипающий мозг.

– Ненавижу! – в отчаянии крикнула я в сторону прихожей. Тут ноги подкосились, и я упала на табурет. – Господи... вдруг это он?

Мысль пронзила, словно током. А если это Олег? Звонит, чтобы извиниться, сказать, что любит только меня и что никогда больше... Я вскочила и, путаясь в неверных ногах, бросилась к телефону.

– Да?! – закричала, срывая трубку. – Я слушаю!

– Здравствуйте! – немного растерянно произнёс высокий женский голос. После секундной паузы женщина осторожно поинтересовалась: – Медведева... это ты?

Стиснув свободной рукой лоб, я зажмурилась. Не понимаю, в чём дело... Это не Олег. Кто это? Медведева. Какая Медведева?.. Боже мой, да ведь Медведева – моя девичья фамилия!

– Кто вы? Что вам нужно? – Странный звонок заставил меня очнуться.

– Ну это точно ты, Медведева! – удовлетворенно протянула женщина. – Я уж подумала, что не туда попала! Это Зотова... Вера. Ну вспомнила?

«Вера Зотова... – забормотала я. В имени было что-то невероятно знакомое. – Вера Зотова...»

– Верка, ты, что ли?

– Я! – радостно подтвердила моя бывшая одноклассница

и засмеялась. – Вечно, Медведева, до тебя как до жирафа!

Схватив трубку обеими руками, я закричала, дрожа от нервного возбуждения:

– Верка! Верка! Я узнала! Конечно, узнала! Господи... Зотова, здравствуй! -

– Ну здравствуй еще раз! – хихикнула подруга. – Как дела? Я тебя не отвлекаю?

Разом сбившись с дыхания, я торопливо забормотала:

– Нет, нет, Верочка! Что ты...

Взбодрившись ответом, одноклассница пустилась в странные воспоминания о далеком отрочестве, дав мне тем самым несколько минут, чтобы прийти в себя.

Слушая заразительное хихиканье Верки, с самого детства слывшей невероятной болтушкой, я испытывала довольно странное чувство, словно только что вынырнула с огромной глубины и глотнула воздуха.

Не прошло и получаса, как мне удалось выяснить, чего ради она вдруг позвонила: в нашей школе намечалась встреча одноклассников.

– В субботу, двадцать третьего... – трещала Верка. – В шесть... Встречаемся у крыльца. Ну что, Медведева, сможешь?

– Смогу, – кивнула я, разглядывая настенный календарь. – Приду обязательно! Спасибо тебе, Зотова!

Если бы Зотова догадалась, что сегодня для меня сделала, то могла бы быть уверена, что где-то там, наверху, в небесной

канцелярии, в списке совершенных добрых дел напротив ее имени поставили большой жирный крестик...

Застегнув пуговицы халата, я вскинула вверх руки и потянулась. Будем считать это утренней зарядкой. Отодвинув занавеску, выглянула в окно.

Воскресное утро выглядело весьма многообещающе. Солнышко, птички, первая робкая мать-и-мачеха... Похоже, будет отличный день. Не у меня, конечно. Лично мне радоваться было не с чего: муж, исчезнувший вчера вечером после скандала, не появлялся и не звонил.

Я включила музыку и направилась на кухню. Машинально поглядывая в окно, сварила кофе, сделала бутерброд с сыром. Потом села, отрешенно глядя на свой лёгкий завтрак. Невесёлые мысли прервал звонок в дверь. Я вздрогнула. У Олега ключи...

Приоткрыв дверь, я украдкой вздохнула.

– Доброе утро, Любовь Петровна... – с чувством поприветствовал меня молодой высокий парень по имени Коля, наш сосед слева, и печально вздохнул.

– Здравствуй, Коля! – обреченно кивнула я и отступила назад. – Проходи.

Деваться было некуда. Ведь Коля пришёл лечиться. А я же врач...

– Вот, – смущенно сказал сосед и стал косить в сторону, – болею...

Я посмотрела на него укоризненно. Он смотрел на календарь.

Николай Ферапонтов был здоров как бык. Однако по вечерам имел большую слабость к чрезмерному потреблению горячительных напитков, отчего по утрам частенько страдал и маялся.

– Сердце, Любовь Петровна... Щемит, щемит... Терпенья нет!

Коля взглянул на меня с надеждой. Я жестом приказала ему задрать рубашку и пошла за стетоскопом.

Могучее сердце соседа исправно перегоняло по сосудам слегка разбавленную кровью водку и никаких нарушений в работе не предвещало. В очередной раз изумившись, я сообщила, что он совершенно здоров, и прочитала небольшую лекцию о правильном питании и здоровом образе жизни. Сосед огорчился.

– Тебе, Коля, жениться надо, – сказала я, – и перестать глупости выдумывать.

Глаза у Ферапонтова стали совсем несчастными. Я сжалилась и выписала ему витамины. Получив рецепт, он повеселел и поинтересовался:

– Любовь Петровна, я сейчас на рынок смотыляюсь, может, вам чего надо?

Я задумалась, потом кивнула:

– Картошки... Килограмма три. Можешь?

Коля посмотрел на меня снисходительно и кивнул.

Выпроводив Колю, я вернулась на кухню. Кое-как запихнув в себя бутерброд, распахнула окно и уселась на широкий подоконник.

Одуревшие от бурного наступления припозднившейся весны почки на ветках бухли и лопались прямо на глазах. Распоясавшиеся воробьи бесчинствовали, затевая бесконечные потасовки на глазах млеющих от героизма кавалеров воробьих. Прижавшись виском к оконной раме, я жадно разглядывала бурлящую жизнью улицу, забывая вытирать катящиеся по щекам слёзы.

Зазвонил телефон. Может это... На ходу ловя соскакивающие тапочки, я торопливо прошаркала в прихожую.

– Слушаю!

– Привет! – это была Лидка Вельниченко, моя подружка.

– Привет, – вяло отозвалась я.

Лидка многозначительно хмыкнула:

– И что у нас с голосом?

Я замялась. Мне рассказывать, так же как ей слушать, одно и то же в сто первый раз едва ли нужно.

– Так... Настроение ни к чёрту.

– Ясно! – Она протяжно вздохнула. – Опять любезный супруг мастер-класс показывал? Что на этот раз?

– Как всегда...

– А-а! Не там сидишь, не так свистишь?

– Ну да...

Пару минут Лидка с чувством поясняла, что думает об Олеге, потом внесла свежую идею:

– Я бы на твоём месте давно бледных поганок намариновала и суженого накормила...

Идея имела свои плюсы, но носила явно выраженный криминальный оттенок. Характер у подружки не чета моему. Будь Олег женат на ней – прыгал бы возле плиты с поварешкой и добровольно мечтал о банке маринованных поганок.

– Чем думаешь заняться? – спросила Лидка, выпустив пар. – Неужели будешь дожидаться?

Именно это я и собиралась делать, но признаться Лидке язык не повернулся.

– Да мне постирать кое-чего нужно...

– К чёрту! – отрезала она. – Мне Галька Степанова звонила. У неё муж простудился, теперь два билета в кино пропадают. В четыре жду тебя на остановке. Пока!

– А-а-а... – собралась я было отказаться, но в трубке уже жизнерадостно пикали короткие гудки.

Я положила трубку на рычаг, посмотрела в зеркало на свои заплаканные опухшие глаза и сказала:

– Что ж... Только если билеты пропадают...

Лидка окинула взглядом уже почти опустевшее фойе ки-

нотеатра и заторопила:

– Давай быстрее! Опаздываем...

По счастью, опоздали мы совсем чуть-чуть, и к концу фильма я смогла понять, за что же всё-таки придушили главную героиню.

– Как тебе? – поинтересовалась я.

Пробираясь между рядами кресел к выходу, подруга пожала плечами:

– Никак... Она – дура, он – козёл, а все остальные – настоящие придурки!

Это и есть Вельниченко Лидия Максимовна.

Оказавшись на улице, мы дружно вдохнули полной грудью свежего воздуха и посмотрели друг на друга.

– Ну? – сурово спросила Лидка, поймав мой тоскливый взгляд, брошенный на ближайший таксофон. – Если ты сейчас скажешь, что тебе пора...

– Нет! – перебила я. – Мы вполне можем прогуляться... Погода хорошая... И вообще...

Подруга удовлетворенно кивнула, я быстренько уцепила её под локоток, и мы неторопливо двинулись по узкому замусоренному переулку в сторону бульвара.

– А тебе Зотова дозвонилась? – вдруг вспомнила я.

– Дозвонилась. Ты как?

– Пойду, – заторопилась я, – с удовольствием... Интересно на наших посмотреть.

Сразу вспомнились беззаботные школьные годы. Весе-

ло хихикая, мы неторопливо брели по мокрому асфальту, кое-где ещё покрытому тонким слоем льда. Льдинки звонко хрумкали под каблуками, загадочным образом поднимая настроение. Мне вдруг захотелось попрыгать на одной ножке.

– Всё-таки здорово, да, Лид? Весна всегда... – Я умолкла, поскольку услышала за спиной хруст льда под чьими-то торопливыми шагами. Переулок глухой и безлюдный, по спине отчего-то побежали мурашки. И я оглянулась: – Давай...

И больше ничего не помню...

– Ну что? – словно сквозь вату, услышала я незнакомый мужской голос. – Всё нормально?

– Да... – Женский голос звучал взволнованно и, видимо, оттого казался невыносимо высоким. – Кажется.... Она жива...

Голоса тонули в каком-то странном гудении, словно где-то поблизости находился улей. Чрезмерно удивленная, я попыталась принять участие в разговоре, но из губ моих раздался только стон.

– Люба! Люба! – испуганно запричитал женский голос, и я вдруг сообразила, что это Лидка. – Любочка, ну очнись же!

Господи, да у меня ещё и глаза закрыты... Совершив невероятное усилие, я шевельнулась, чуть приоткрыв веки. Надо мной маячило какое-то мутное облако, в середине которого

темнели два размазанных силуэта.

– Слава богу, Любонька... – Лидка начала дышать всё чаще и наконец заплакала.

Тут кто-то осторожно приподнял меня за плечи. Я снова услышала мужской голос:

– Люба! Вы меня слышите?

– Угу... – тихо сказала я.

Гул вокруг усилился, и я поняла, что шумит у меня в голове. Беспомощно распластавшись на чьих-то руках, я закрыла глаза.

«Бред какой-то...»

Тот, кто держал меня за плечи, вдруг осторожно наклонился и тихо шепнул на ухо:

– Не бойся... Всё будет в порядке...

Что происходило дальше, я помню частично. Но одно знаю наверняка – Лидка всё время была рядом, держала меня за руку и всхлипывала.

Приезд «Скорой помощи» я пропустила, очнувшись лишь в тот момент, когда санитары грузили носилки в машину.

По дороге мне стало лучше. Захотелось сесть, однако молоденькая докторша сердито хмурилась, не позволяя подниматься, я знала, что она права, поэтому не спорила.

Лидка сидела рядом, губы у неё дрожали, и она глядела так испуганно, что я не выдержала.

– Доктор, – окликнула я, – пожалуйста, накапайте ей валерьянки!

В больнице мы долго не задержались. Когда вышли на улицу, было уже совсем темно. Лидка быстро поймала такси и, осторожненько придерживая меня под локоть, усадила в салон.

– Шеф! – выразительно посмотрела на водителя подруга. – Пожалуйста, помедленнее и без кочек... Договорились?

Водитель сразу проникся пониманием, поэтому по дороге нас не обогнали только хромые и безногие.

– Культурно отдохнули! – с вполне понятным сарказмом протянула Лидка, глядя в окошко. – Я чуть богу душу не отдала со страху!

Стараясь особо не напрягаться, я поинтересовалась:

– Слушай, а в чём вообще дело-то было? Я упала... или как?

Подруга покосилась в мою сторону и хмыкнула:

– Или как.

Дальше я услышала вещи ещё более удивительные.

Как объяснила Лидка, мое легкое, как сказали в больнице, сотрясение мозга произошло вовсе не от самопроизвольного падения на лёду. В то самое мгновение, когда я оглянулась на звук раздавшихся сзади шагов, из-за ближайшего угла выскочил неизвестный парень и со всего маху огрел меня по затылку.

– Какой парень? – не поверила я своим ушам. – Из-за какого угла? Почему меня?

– Видишь ли, он не комментировал. Так вот, слушай даль-

ше! Ты рухнула, как берёза под топором. И к стеночке привалилась. Я перепугалась насмерть... А тут ещё двое подсакивают! Морды бандитские, головы бритые... Я уж со всеми попрощалась! Ну думаю, вот и смерть твоя пришла, Лидия Максимовна! Надругаются сейчас изверги над телом белым, сахарным...

– Не отвлекайся! – по возможности строго оборвала я, заметив, что непосредственно дорога нашему шоферу стала не слишком интересна. Красочное повествование занимало его гораздо больше.

– Короче говоря, обступают нас эти ханурики с трех сторон... Тебе-то хорошо, – вдруг сердито надулась подруга, – ты там валялась, ничего не видела! А я в трезвом уме и твёрдой памяти...

– Трезвого ума у тебя сроду не бывало! – разозлилась я. – Хватит резину тянуть!

По всему было видно, что водитель со мной полностью согласен.

– Ну, обступают они нас с трёх сторон, и один, самый мелкий и противный, говорит: «Что, тётя, обсудим, как космические корабли бороздят Большой театр?» Ещё бы сказал – бабуся!..

Стиснув зубы, я бережно поддерживала гудящую голову и уговаривала себя не нервничать.

– А сам к сумке тянется! Другой к тебе наклонился... И тут... – Лидка сделала круглые глаза и таинственным шепо-

том затынула: – Вдруг... неожиданно... сзади...

– Сзади чего? – не вытерпела я.

– Ну позади этих... хулиганов... появляется кто-то... Но кто – я никак не могу понять, потому что со страху совсем уже ничего не соображаю. А тот, который сумку схватил, вдруг – раз! – и улетает к забору. Что тут началось!

Началось что-то грандиозное, это можно было понять хотя бы по тому, с каким жаром Лидка размахивала руками, когда ей не хватало слов. А слов ей не хватало постоянно, и я очень опасалась, как бы она в запале не высадила в машине стекло. К счастью, всё обошлось. В итоге мне удалось выяснить, что завернувший в этот трагический момент в переулочек молодой человек приятной наружности, недолго думая, расшвырял всех трех грабителей, словно молочных котят. После чего вызвал «Скорую помощь» и до самого её приезда держал мои бранные останки на коленях, сидя в модном дорогом пальто прямо на асфальте.

– Как так? – не поверила я. Судя по глазам, водитель тоже сомневался в подлинности сказанного. – Что значит разбросал? Что, это были какие-то дохлые заходолики?

– Дохлых заходоликов я бы и сама разбросала! – сердито засопела Лидка. – Разбросал – значит: раз – по морде, два... Одному, другому, потом третьему! Надо было видеть, как они по переулочку летали!

– Может, они специально разыграли? – сомневались мы с водителем. – Может, это шутка была?

– Шутка? Ты, Любовь Петровна, думай, прежде чем брякнуть! Там выбитыми зубами весь лед усыпан и лужи пополам с кровью. Те гады еле ноги унесли... Хороша шутка!

Я хотела покачать головой, но решила с этим повременить. Либо мне совсем мозги отшибли, либо я чего-то не понимаю...

– Ну и кем оказался этот прохожий в модном пальто? Не Бэтмен часом?

– Может, и Бэтмен! – вдруг ответила Лидка. – Исчез дядя... Как «Скорая» подъехала, так и сгинул.

– Просто взял и сгинул? И телефона не оставил?

Лидка отрицательно помотала головой. Известие меня огорчило.

– Что же ты проглядела? Кому хоть «спасибо» сказать?

Она согласно кивнула:

– Знаешь, я ему не меньше твоего благодарна. Но не могла же я его к себе привязать! «Скорая» приехала, все засуетились, а он как растворился... Так что... – она широко развела руками, – ищут пожарные, ищет милиция!

– Мистика... – осторожно вздохнула я.

– Мистика не мистика, а вылезай! – скомандовала подружка. – Приехали!

Прошло три дня. Внезапные приступы тошноты и голов-

ной боли стали понемногу отпускать, и я передвигалась по дому уже более уверенно. Муж, появившийся в поле зрения в понедельник вечером, известие о моей травме перенес стойчески и не утомлял меня расспросами о происшедшем. Во вторник, кратко сообщив о внезапно образовавшейся командировке, он ловко побросал в чемоданчик пару рубашек, щёлкнул замками и подошел к моей кровати:

– Ну ты как?

Я глупо улыбнулась:

– Ничего...

– И хорошо! Тебе ничего не нужно?

– Нет, – сказала я. – Спасибо...

После чего супруг поцеловал меня, словно покойницу, в лоб и убыл в связи с неотложными служебными обязанностями. В доме образовалась полнейшая, прямо-таки мёртвая тишина, благодаря чему, вероятно, я и почувствовала себя гораздо лучше.

Где-то в районе обеда я ощутила в желудке слабое урчание и поняла, что жутко хочу есть. Благодаря заботам соседа слева у меня имелась картошка, которую я почистила, пожарила и с невероятным аппетитом умяла. Грязную посуду сунула в раковину, и на этом моя бурная деятельность сама по себе зачихала. Вынужденное безделье томило, но поделать ничего было нельзя, и я смирилась.

Ближе к вечеру я заглянула в холодильник снова. Открывшаяся панорама особенно не впечатляла. Поразмыслив, я ре-

шила, что в моем состоянии весьма полезно будет просто попить чайку.

– Есть на ночь вредно! – пояснила я самой себе, поставила чайник на плиту и устроилась на подоконнике.

Вентилируя легкие и заодно разглядывая спящих внизу прохожих, я раздумывала, чем же буду заниматься еще как минимум неделю, прежде чем смогу выйти на работу.

Во-первых, я не привыкла сидеть без дела. Во-вторых, в одиночестве я тут с ума сойду, что наверняка скажется на моих сотрясенных мозгах не самым лучшим образом. В-третьих, бабушки-миллионерши, завещавшей мне перед кончиной все свои миллионы, у меня тоже не было.

Не переставая предаваться грусти, я перевела взгляд чуть левее и вдруг увидела Лидку, деловито семенящую по тротуару. Увешанная объёмными сумками, она явно целилась на наш подъезд.

– Привет, больная! – заулыбалась подружка, разглядев меня в дверях. – В окно увидела? А почему по квартире болтаешься? Тебе лежать приказали...

Она оттеснила меня в прихожую и с облегчением скинула с ног ботинки.

– Благоверный-то где? – поинтересовалась моя гостья, шустро разгружая сумки на кухонном столе.

– Уехал... – проямлила я, в растерянности наблюдая, как под Лидкиными руками стремительно растёт гора продуктов. – Командировка... Лид, это... чего?

Та пропустила мой вполне резонный вопрос мимо ушей.

– Командировка! Слышали мы про его командировки! Разве только глухая ворона с дуба не слышала! Кобелюка такой... – Упаковка с сосисками в чём-то запуталась, и Лидка зло дёрнула, порвав у пластикового пакета ручки. – Ты, Медведева, лучше заткнись, ей-богу! Ну что ты, как дура? Что ты его всё время оправдываешь?

Отвернувшись, чтобы Лидка не заметила моих задрожавших губ, я упрямо повторила:

– У Олега командировка.

Подруга взорвалась:

– Даже если командировка! Оставит нормальный мужик жену с сотрясением мозга одну? И с пустым, – она шагнула вперед и рванула на себя дверцу, – холодильником?

Я молча села, стиснула ладони коленями и уставилась в угол. Мне не хотелось слушать, что она говорила.

– И давай, топай в кровать! – с нарочитой суровостью приказала подруга, указывая на дверь. – Я сейчас что-нибудь быстренько сварганю, сядем по-хорошему... и отметим! Не каждый день тебя по башке бьют.

Я против воли хмыкнула и поднялась.

– Я тебе деньги за продукты сейчас отдам...

– В кровать! – басом сказала Лидка.

Я добрела до комнаты, разыскала свою сумку и вытащила кошелёк. Заглянула внутрь и прикусила губу... В тумбочке стояла железная банка из-под импортного печенья, где мы с

Олегом обычно держали имеющуюся наличность. Приложив усилие, я подцепила неподатливую крышку с выдавленными голубками... Банка глухо срезонировала и явила моему воспаленному взору ослепительный отблеск пустого металлического нутра... Тихо охнув, я выронила ее из рук. Приступ тошноты заставил меня закрыть глаза. Осторожно ступая, я добралась до кровати и легла, зарывшись лицом в подушки.

Олег вернулся вечером в среду. Я сидела в комнате и смотрела телевизор, когда из прихожей раздался лязг открываемого замка. Муж заглянул в комнату, окинул её быстрым оценивающим взглядом и задал весьма логичный вопрос:

– Ты дома?

Помимо воли испытывая в душе огромную радость, я торопливо кивнула. Олег тоже кивнул и скрылся. Я нащупала на полу тапки, обулась и вышла в прихожую.

– Как командировка? – Прислонившись к косяку ванной, я смотрела, как Олег тщательно намывает руки.

– Нормально, – отозвался он, глянув на меня. – А ты как?

– Нормально, – тихо кивнула я. Помолчав немного, осторожно добавила: – Ты забрал все деньги... Мне пришлось заниматься...

– У тебя денег не было? – изумился любимый. – Что же не сказала, когда я уезжал?

Я глупо моргала в невыносимо красивое лицо мужа. Сейчас он склонит голову набок, широко улыбнется, и я снова прощу ему всё. Он обнимет меня, а я уткнусь лбом ему в

грудь...

– Я же не знал!

И улыбнулся...

Чмокнув меня в нос, Олег зевнул и потянулся к ночнику. Я поспешно пригладила ладонью взъерошенные волосы и спросила:

– Угадай, кто мне звонил?

Он заворочался, укладываясь поудобнее.

– Дед Мороз...

– Ну, Олег! Я серьёзно! Угадай...

– Что ещё за игры на ночь глядя! Тебе завтра дурака вальять, а мне на работу...

Поняв, что время, отведенное на аудиенцию, подошло к концу, я вздохнула:

– Верка Зотова. Из нашего класса. Ну рыжая такая... Помнишь?

Муж шевельнул плечом и хмыкнул:

– Зотова? Верка? Рыжая? Помню... И чего?

– В эту субботу встреча выпускников будет. Здорово, правда? Пойдем, а?

Он полежал немного, потом чуть слышно буркнул:

– Там поглядим...

Новость не вызвала в супруге прилива ностальгии, и че-

рез несколько минут он уже крепко спал. Я села и обхватила руками колени.

Странно, что он не вспомнил Верку сразу. Как-никак, а в восьмом классе у них был роман. Впрочем, трудно вспомнить, с кем у Олега романа не было. Разве что со мной. Мы учились в параллельных классах, и у него не было ровно никакой причины обращать внимание на такую серую мышь, как я. Красавец, спортсмен, чемпион района по плаванию, он никогда не был обделен женским вниманием. И сам отвечал прекрасной половине человечества тем же. Я, конечно, была в него тайно влюблена, однако за время нашей совместной учебы единственным знаком внимания с его стороны была эффектная подножка, заставившая меня растянуться на полу во весь рост.

После школы наши пути разминулись. Как выяснилось позднее, Олег за это время успел обзавестись дипломом юриста. Я окончила медицинский. И вдруг он появился в моей жизни, словно тот чёртик, что выскакивает из табакерки. Шокированная этим обстоятельством, я не успела опомниться, как оказалась замужем...

В полдень позвонила Лидка.

– Как дела? Судя по счастливому звенящему голосу, в семейном гнезде снова мир и согласие?

В ответ я только вздохнула, и в самом деле чувствуя себя счастливой. Лидка тоже вздохнула.

– А голова как?

– Гораздо лучше. Если не напрягаться, то и совсем хорошо.

– Вот и не напрягайся.

– Я и не напрягаюсь. Слушай, давай встретимся, я тебе деньги принесу...

– Не напрягайся, – холодно перебила подруга, и в ее голосе скользнуло раздражение. – Мне не к спеху. Встретимся в субботу. Ты придёшь?

Она ждала. Я тянула время, тоненько покашливая. Признаться, что встреча под вопросом, я не решалась.

– В субботу? Ну наверное...

Если бы подруга не жалела мои сотрясенные мозги, то непременно рявкнула бы во всю глотку. Но она зашипела, словно стравливающий надувной шарик, и тихо хрюкнула:

– Не глупи, Любка...

Я смешалась и промямлила:

– Там поглядим...

Лидка на мгновение запнулась, потом процедила:

– Ну пока! – и дала отбой.

Положив трубку на рычаг, я осторожно опустилась на стул. Чего она от меня хочет? Чтобы я устроила ему скандал? Чтобы выгнала его, развелась?.. Хорошо учить других! Чужую беду руками разведу!

Новый телефонный звонок прервал мои мысли. Я встала и потянулась к трубке. Олег... Нет, наверное, Лидка!

– Слушаю?

– Это квартира Платовых? – спросил незнакомый голос.

– Да... – немного растерялась я.

– Любовь Петровна?

– Да. А кто говорит?

Вопрос собеседник проигнорировал.

– Как ваше самочувствие?

Что-то никак не могу понять – кто это? Я нахмурилась:

– Спасибо, хорошо. А с кем я разговариваю?

Но в трубке уже пикали короткие гудки.

«Ну и ну... – удивилась я, в недоумении моргая на телефонный аппарат. – Кто же это был? Может, нас разъединили? Какой дурак спрашивает про здоровье, а потом молча швыряет трубку?»

Я постояла в коридоре ещё немного, гадая, не перезвонит ли неведомый абонент снова. Телефон молчал. Я пожала плечами и пошла на кухню.

Надев, чтобы не скользить, замшевые ботинки на толстой резиновой подошве, я покрепче затянула шнурки, выпрямилась и взглянула в зеркало. Вполне приличный вид, если не считать выразительных мешков под глазами. Но этого, как говорится, из песни не выкинешь. Я застегнула куртку, ещё раз глянула в зеркало и вышла.

Лидка уже ждала на остановке. Издалека приметив ее съё-

жившуюся от ветра фигурку в красном развевающемся балахоне, я прибавила шаг.

– Тю-ю! – протянула подруга, окидывая меня удивленным взглядом. – Чего одна? Не пошёл, что ли?

Собрав всю силу воли, я равнодушно пожала плечами:

– Олег уехал в срочную командировку... Всем передавал привет.

Лидка торопливо отвела взгляд и, подхватив меня под локоть, двинулась к подъезжающему автобусу.

Возле ступеней школы топталась радостная возбужденная толпа. Человек тридцать взрослых тётенек и дяденек оживленно жестикулировали, подпрыгивали, визжали, гоготали – словом, вели себя сообразно моменту.

– Наши... – замирая от восторга, выдохнула Лидка. – Ей-богу, наши придурки...

В следующее мгновение толпа, заметив нас, развернулась и взвыла:

– Вельниченко... Медведева... Ура!

Нас обступили со всех сторон, вереща и теребя за руки, и ещё минуту назад чужие лица вдруг снова стали родными и легко узнаваемыми.

Когда первая волна восторгов и вопросов схлынула, мы наконец смогли как следует оглядеться. Вскоре я увидела нашу учительницу литературы Марию Андреевну, которая узнала меня моментально. Зато историк Михаил Семёнович долго смотрел мне в лицо и хмурил брови.

– Так, так, так... Кто же это у нас? Неужели Любушка Медведева?

Я растянула губы от уха до уха, и скромно потупилась.

– Так и есть, Медведева! – довольно воскликнул историк. – Чем же ты занимаешься?

– Медицинский окончила, – снова улыбнулась я. – В поликлинике работаю.

Учителя в два голоса принялись мной восхищаться. Сияя круглым, словно луна, лицом, Мария Андреевна поинтересовалась:

– Семья-то есть, Любочка? Ты замужем?

– Да, – негромко отозвалась я, – замужем... За Олегом Платовым...

Повисла секундная пауза, потом улыбки дружно покинули счастливые учительские лица, словно растеклась акварель на дурно написанных портретах. Теперь они смотрели на меня с растерянностью, словно ждали, когда скажу, что пошутила. Я примерно догадывалась, какая мысль мучила педагогов: гордость школы и этот камыш из пруда? Невероятно... Первым очнулся историк:

– Правда? Вот и замечательно... А где же Олег?

– В командировке, – встряла вынырнувшая откуда-то из-за педагогических спин Лидка. – Пойдемте в класс, а то все замёрзли!

Она ловко подцепила учителей под руки и резво потянула к дверям. Я кинула на подружку благодарный взгляд и на-

правилась следом за толпой в школу.

Рассевшись в классе по своим местам, мы шумели и смеялись, вспоминая школьные годы. Потом мальчишки (бывшие, конечно) передвинули парты, соорудив большой общий стол. Девчонки шустро расставляли одноразовую посуду, вытаскивали из объемных сумок припасенные напитки и закуски. Гвалт при этом стоял такой, что даже завсегдатаи птичьего базара давно бы сдохли.

Минут через десять после начала застолья дверь в класс приоткрылась. Мы дружно оглянулись, с любопытством вытягивая шеи. В проёме образовалась дородная дама со сложной причёской и с норковым мантио в руках. Заинтригованная общественность зашелестела, вполголоса бормоча возможные варианты.

– Киринкон... – вдруг задумчиво пробормотал кто-то. – Крынка, ты, что ли?

По лицу дамы разлилась довольная улыбка. Класс, решивший непростую задачку, радостно зашумел. Узнать в представительной женщине с властным взором вечно сонную толстуху Ленку Киринкон было непросто.

– Леонова, с вашего позволения, – улыбнулась Ленка, усаживаясь на соседнюю скамью. – Уж лет пять как...

После появления Ленки на мою дражайшую подругу напала странная задумчивость. Несколько минут она сосредоточенно изучала портрет Чехова, потом, часто моргая, разглядывала потолок и наконец уставилась на меня в упор. Я

уже начала синеть от любопытства, когда Лидка решительно выдохнула и поманила меня пальцем. Я придвинулась вплотную и подставила ухо.

– Я знаю, что тебе нужно! – заявила она, делая выразительные глаза.

– Да ну? – не поверила я.

– Точно! – горячо зашептала Лидка. – Я раньше кое-что слышала, а сейчас вспомнила. Тебе надо поговорить с Крынкой...

– О чём? – растерялась я.

– О жизни! – Я терпеливо моргала Лидке в лицо, хорошо зная, что, пока она не сформулирует новую идею в уме, требовать вразумительных пояснений бесполезно. – М-м-м... В общем, так... У Крынки муж – депутат... – Не знаю, ждала ли подруга, что я рухну на пол, но я осталась сидеть на месте. – Мне Степанова рассказывала... Так вот! Сама она теперь работает где-то в управе. Не знаю, правда, кем... Но это к делу не относится!.. И, если я ничего не путаю, то Крынка сейчас курирует вопросы здравоохранения. Ну, там, аптеки...

Я ждала, Лидка продолжала с энтузиазмом. Я не вытерпела:

– Лидка, сформулируй мысль! Я рада за Крынку, но от меня-то ты что хочешь?

Она обреченно закрыла глаза и покачала головой:

– Ты, Любка, как была дурой, так и останешься! Ты кто?

Врач? Так и будешь до пенсии за копейки горбатиться? Твоего заработка только на квартплату и хватает! А если, не дай бог, что?

– Что? – подозрительно спросила я, начиная понимать, куда она клонит.

– Ну мало ли! – вывернулась подружка. – Заболеешь или Олег в длительную командировку уедет! На какой хрен ты жить будешь? Ну жить-то ты будешь бесплатно, но жрать-то на что? Медведева, – нетерпеливо шипела она мне на ухо, – не будь душой, не упускай шанс! Поговори, может, она тебя пристроит куда-нибудь. Наверняка у неё полно связей.

– Неудобно, Лид... – затосковала я. Ни настаивать, ни доказывать, ни давать взятки я просто не умею. А уж пользоваться связями и подавно. – Столько лет не виделись...

– Убью... – завибрировала у меня под боком подруга. – Что за глупость! В конце концов, она твой школьный товарищ! Имей в виду – не подойдешь сама, это сделаю я...

Это было чересчур. Я же всё-таки не в детском саду! Да, в общем-то, Лидка права: почему неудобно обратиться к школьному товарищу?

Девчонки убрали со столов, готовясь к чаепитию, а Лидка, страшно сверкнув глазами, ловко подпихнула меня к Киринокон, с аппетитом дожевывающей бутерброд.

– Как поживаешь? – Я осторожно присела рядом, испытывая, впрочем, сильнейшее желание удрать.

– Лучше всех! – расплылась Ленка.

Так, слово за слово, мы разговорились, и вскоре я совсем позабыла суровые Лидкины наставления. Однако Лидка оказалась права: Киринкон действительно была замужем за депутатом. Правда, такого благоговения перед этим фактом, как у Лидки, у Ленки я не заметила. Супруга она иначе как паразитом не называла и почтения к депутатскому званию не испытывала. Но всё же любимая подруга старалась не зря. Узнав, что я работаю в районной поликлинике, Ленка хмыкнула:

– Платят?

Я неопределенно промычала. Платить – платят... Ленка оказалась дамой понятливой. Пока я рассказывала, она задумчиво кивала. Потом склонилась ко мне поближе и шепнула:

– Слушай, Медведева... Я узнаю... Если смогу помочь – позвоню...

Улыбнувшись, я кивнула:

– Спасибо!

Засиделись мы допоздна, поэтому, когда прощались на ступеньках школы, на улице уже было – хоть глаз коли. К вечеру снова подморозило. Выйдя со школьного двора, мы сделали пару безуспешных попыток поймать такси. Лидка пытала и злилась, судорожно размахивая рукой, но мчащи-

еся мимо машины упорно нас не замечали.

– Да ладно, – вздохнула я, – пойдём на остановку.

Мы прошли через дворы и вышли к шоссе. На остановке толпилось много народу. Лидка заныла:

– Я уже ног не чувю... Теперь точно не сядешь... Глянь, народу сколько... А я весь день на каблуках...

Я ей сочувствовала, но помочь не могла. Автобуса не было, а пролетающие мимо автомобили продолжали нас игнорировать. Лидка вылезла на бордюрный камень, высматривая подходящую машину.

Наконец, ослепительно блеснув фарами, замигала поворотником белая «девятка». Толпа глухо зароптала: вслед за «девяткой» показался автобус. Глядя на лихо тормозящие «Жигули», я шагнула поближе к подруге: стена тел за спиной смыкалась, и меня вполне могли занести в автобус без всякого моего на то согласия. В следующую секунду я почувствовала между лопаток чью-то ладонь. Я вздрогнула и... полетела...

Сумасшедший вой тормозов, визг и летящие комья грязи в единый миг смешались в один кромешный клубок...

– Задавили! – глухо взвыл кто-то, разом перекрывая встревоженный гомон толпы. – Женщину задавили...

– Любка! Любка! Господи боже мой, да что же это?!

Кричала Лидка. А я лежала на шоссе, раскинувшись, словно морская звезда на пляже. Вокруг толпился возбуждённый народ, немилосердно топоча по мёрзлой грязной ка-

ше, отчего тучи ледяных брызг летели мне в лицо. Справа нависла какая-то чёрная громада. Я чуть повернула голову и с ужасом поняла, что это забрызганный грязью бампер машины. Я задёргалась, пытаюсь встать, и обнаружила, что правая рука не желает слушаться вовсе.

– Да разойдитесь же! Разойдитесь! – услышала я истеричный Лидкин голос, переходящий в визг. – Пошла вон, дура! Чего уставилась?! Да уйди ты!

Энергично распихивая толпу, ко мне продиралась подруга.

– Любка! – Лидка рухнула передо мной на колени. – Что с тобой?

– Ничего вроде, – жалобно запищала я, – только вот рука... Рука не слушается...

К счастью, всё обошлось. Но если бы «девятка» проехала вперед ещё полметра, повод для переживаний был бы самый настоящий, поскольку под передним колесом всё же оказалась моя сумка, ручки которой я сжимала намертво.

Когда суета немного утихла, зелёный от ужаса водитель «Жигулей» перестал трястись и заикаться.

– Сдай назад... – сказала ему Лидка, сообразив, что вытащить руку из ремешка я не могу.

Водитель судорожно закивал, нервно бормоча:

– Девочки... девочки... я вас отвезу, куда скажете...

Он довольно долго не трогался с места, как видно, боясь в спешке перепутать передачу.

– Холодно... чёрт... – начала я сквозь зубы, потому что почувствовала, как куртка на спине медленно, но верно промокает.

Тут машина откатила назад, и я подтянула к себе бесформенный кожаный блин с ручками. Это было глупо, но, глядя на него, мы с Лидкой засмеялись.

– А! – послышалось из толпы. – Да они пьяные!

Общественность разочарованно вздохнула и торопливо полезла в автобус. Лидка поставила меня на ноги, как смогла, отряхнула и открыла дверцу «Жигулей».

– Поехали! – скомандовала она всё еще трясущемуся водителю и назвала свой адрес.

Обернув полотенцем мокрые волосы, я вышла из ванной и прошлепала на кухню. Лидка возилась возле плиты, на которой что-то аппетитно шкварчало. Я поплотнее запахла халат и, сев к столу, взяла чашку горячего чая.

– Ну ты и дала... – усмехнулась подруга, оглядываясь. – Как ты свалилась, до сих пор не пойму...

Разглядывая циферблат висящих на противоположной стене часов, я шумно отхлебывала из чашки и помалкивала.

– Может, голова закружилась? – не унималась Лидка, которой явно не нравилась моя задумчивость. – Как голова-то? Может, тебе не надо было пить шампанское?

– Может, – кивнула я.

Пару минут Лидка молча грохотала сковородками, а я продолжала глазеть на циферблат. Подруга расставила тарелки, вытащила из холодильника зелень, но потом бросила её на стол и уселась напротив.

– Любочка... – ободряюще погладила она меня по плечу, – ну, что с тобой? Слушай, а может, ты поскользнулась? Там ведь лёд был.

– Нет, – покачала я головой. – Я специально надела ботинки, чтоб не скользить... – Я умолкла, решая, стоит ли говорить Лидке про чью-то идиотскую выходку, которая вполне могла стоить мне жизни, не успеет ли водитель «Жигулей» среагировать так быстро. – Видишь ли... меня кто-то толкнул в спину.

– В каком смысле «толкнул»? В смысле столкнул, когда подъезжал автобус?

– В смысле толкнул рукой, когда подъезжали «Жигули».

– Не понимаю...

Я вяло пожала плечами.

– Я тоже...

Лидка смотрела на меня какое-то время, словно ожидала, что с минуты на минуту появится вразумительное объяснение. Но я ей помочь не могла. Я чувствовала себя несчастной и разбитой, и к общению особо не стремилась. Лидка поморгала немного, потом всё-таки не вытерпела:

– Послушай, Любаша... Я, конечно, не хотела бы быть на-

вязчивой, но... Объясни ещё раз: что значит «толкнул»?

Со вздохом разведя руками, я пояснила:

– Не буду настаивать, что кто-то сделал это со злым умыслом. Подъезжал долгожданный автобус, люди заволновались. А тут «чайник» на остановку прёт... В сердцах человек и не на такое способен. Но меня толкнули на дорогу намеренно. Вот так, рукой, между лопаток...

Прикрыв ладошкой рот, Лидка долго качала головой, удрученно бормоча:

– Господи, что за люди? Как же так можно?

Ночевать я, естественно, осталась у подруги. Олег был в командировке, и возвращаться домой особого смысла не имело.

С утра пораньше мы с ней затеяли пироги и провозились полдня, так что к себе домой я попала ближе к вечеру. Отперев замок, я, к безмерному своему удивлению обнаружила, что входная дверь закрыта изнутри на цепочку. Я позвонила. Дверь дрогнула, и в образовавшейся щели мелькнули глаза Олега.

Я растерянно протянула:

– Олежек... ты дома?

Не торопясь открывать, супруг хмыкнул:

– Я-то дома! А ты где всю ночь шлялась?

Я заторопилась:

– У Лиды. Понимаешь, вчера...

– Ну да, – отозвался супруг, и разделявшая нас щель ока-

залась недостаточно широкой, чтобы излить на меня весь сарказм, зазвучавший в его голосе. – У Вельниченко! Конечно! Как я сразу не понял?

Толкнув дверь, я попросила:

– Открой, пожалуйста! Необязательно всем соседям...

Тут Олег заорал:

– Шалава! Вали к тому, с кем ночь провела! – После чего он подробно припомнил всех мало-мальски знакомых представителей мужского пола, с которыми я когда-либо в жизни сталкивалась. – И чтоб духу твоего здесь больше не было!

Сделав пару шагов назад, я устало привалилась к стенке, со странной отрешенностью слушая красноречивое выступление любимого.

«Как странно, – думала я, потихоньку сползая на корточки, потому что ноги устали, а в груди появилась противная тянущая дурнота. – Почему сейчас всё это не кажется таким обидным? Раньше я бы с ума сходила, умоляла его открыть дверь и выслушать. Почему я даже не волнуюсь? Видно, здорово мне по голове дали... Интересно, а можно выколлотить... любовь?»

Последняя мысль меня сразила. Безмерно удивляясь неизвестно откуда выплывшей крамоле, я вновь подняла глаза на Олега, но тут боковым зрением отметила, как приоткрылась соседская дверь.

– Здравствуй, Люба! – На лестничную клетку выглянула соседка Марина и, удивленно выгнув брови, спросила: – Это

кто там? Олег?

Я кивнула, и соседка понимающе поджала губы. Поразмышляв пару секунд, она поманила меня к себе:

– Заходи, я пирогов напекла...

По известной причине я на пироги уже смотреть не могла. Так же как и уйти от двери собственной квартиры, из-за которой уже добрых двадцать минут супруг с необычайным воодушевлением приписывал мне порочащие связи со всеми известными фонарями в округе. Догадывалась об этом и Маринка, хорошо изучившая мой характер. Вернее, его отсутствие.

– Заходи, – с нажимом повторила она. – Я одна, Валерка ещё на работе. Поболтаем...

– Спасибо, – вдруг отозвалась я, поднялась с корточек и направилась к Маринкиной двери.

Олег на секунду умолк, как видно, не в силах поверить своим глазам. Но я и в самом деле исчезла из супружеского поля зрения, и он взревел:

– Люба!

Позабыв о накинутаой дверной цепочке, Олег сгоряча рванул дверь.

– Чёрт! – Наконец он совладал с препятствием, но драгоценные секунды были потеряны, и я уже находилась в Маринкиной квартире.

Похоже, мое необычное поведение как громом поразило любимого. Он выскочил на площадку и принялся названи-

вать в соседскую дверь.

– Кто там? – поинтересовалась Маринка голосом, полным плохо скрываемого злорадства.

– Олег, – отрывисто бросил муж. – Марина, позови Любу!

– Она занята, – сообщила та. – Мы чай пьём. Напьётся, тогда и придёт!

– Напьётся? – завопил Олег дурным голосом. – Я вам покажу «напьётся»!

И он принялся колошматить в дверь ногами. Я ринулась было на площадку, но Маринка поймала меня в охапку.

– И не вздумай! Пусть колотит, дверь железная. Ты пришла ко мне – и правильно сделала. Что ты всё перед ним пляшешь? Пусть теперь он попрыгает.

И без дальнейших разговоров потащила меня на кухню.

Я просидела у Маринки часа полтора. Первые полчаса Олег ещё бился в дверь, звонил, но потом всё стихло. Против обыкновения я не нервничала и не плакала, Маринка смотрела на меня одобрительно и изо всех сил пыталась развлечь разговором.

– Как здоровье? На работу ещё не собралась?

– Собралась... – улыбнулась я. – Дома-то скучно! А у Валеры как дела?

Валера работал в прокуратуре и, как выражалась его лю-

бящая супруга, иногда заходил домой в гости. Профессия у него по нынешним временам была опасная, и Маринка всегда волновалась, если он не возвращался слишком долго.

— Всё также... — печально вздохнула она. — Носится, как сохатый, только копыта стучат! И всё эти трупы, взятки, бандиты... ночь-полночь...

Вскоре Валера появился. Увидев мужа в добром здравии, Маринка радостно засуетилась возле плиты. Здороваясь со мной, сосед улыбался, однако было видно, что он здорово устал. Я поблагодарила гостеприимных хозяев и направилась к выходу. Маринка, отпирая дверь, посоветовала:

— Если опять не впустит — позвони к Кольке, он вашу цепочку одним махом ликвидирует!

Но соседка волновалась напрасно: никаких проблем не возникло, поскольку Олег отсутствовал. Я переделалась, вымыла оставленную мужем грязную посуду и устроилась перед телевизором. Но сосредоточиться на том, что происходило на экране, не получалось — в голове теснились вопросы, ответов на которые не было, да и скорее всего не могло быть вовсе.

Часы показывали двадцать три сорок, когда зазвонил телефон. Я уже собиралась ложиться в постель, поэтому укоризненно покачала головой. Лидкина привычка звонить в столь поздний час меня раздражала. Мы обсуждали эту проблему неоднократно, каждый раз подруга каялась и клялась вновь не совершать ничего подобного. И всё повторялось за-

НОВО.

– Слушаю! – сердито сказала я и нахмурилась, хотя видеть меня Лидка, конечно, не могла.

– Любовь Петровна? – тихо протянул кто-то на том конце провода, и я вдруг с ног до головы покрылась ледяными мурашками.

Голос звучал необычно, в нем слышалось какое-то странное тоскливое дребезжание, казалось, говорящий находился в металлической бочке. Я даже не смогла понять, кому он принадлежит – мужчине или женщине.

– Любовь Петровна, почему вы молчите?

А я судорожно облизывала враз пересохшие губы, сама удивляясь своему невесть откуда взявшемуся страху.

– Ответь... Чего ты боишься?

Собравшись с духом, я отозвалась:

– Кто это?

Вышло тоненько и пискляво, вероятно, поэтому неизвестный рассмеялся, и в трубке глухо зазвенело, словно на покатый шифер крыши бросили горсть монет.

– Как ты себя чувствуешь? – Рассказывать о себе он не торопился. – На скользкой дороге следует вести себя более осмотрительно. Столько всего может случиться...

– Кто вы? – взвизгнула я, когда до меня дошел смысл сказанного. Человек явно намекал на вчерашнее происшествие. – Я сейчас позову мужа...

Он снова рассмеялся:

– Твоего мужа нет дома. Обманывать – нехорошо... Ты разве не знала?

Руки у меня затряслись, и я буквально рухнула на стоящий рядом стул. Испуганно оглядывая входную дверь, едва слышно пролепетала:

– Что вы хотите?

Мой собеседник вроде бы удивился:

– Узнать, как твоё здоровье.

– Нормально... Но зачем... – встрепелась я, но он уже дал отбой.

Положив трубку на рычаг, я поглядела в зеркало.

– Это что, новая услуга «Скорой помощи»?

Мое отражение глядело на меня в полнейшей растерянности. И было совершенно ясно, что ответа на этот вопрос у него тоже нет.

Весна взялась за город с энтузиазмом алкоголика, решившего после тяжелого похмельного утра «завязать» раз и навсегда. Хрустящий иней ночных заморозков в одночасье сменила бойкая зелёная травка, радуя истосковавшихся за зиму горожан ярким цветом. Из лопнувших почек осторожно выглянули острые кончики листочков. Город оживал и менялся на глазах.

Вероятно, по той же самой причине изменился и мой

супруг, появившийся на пороге квартиры в понедельник утром. От вчерашнего гнева не осталось и следа, глянув на меня, он отвел глаза в сторону и буркнул:

– Ладно... Я вчера погорячился, конечно...

И поцеловал меня. Я не стала ворошить прошлое, и мы мирно уселись завтракать.

Выяснилось, что в контору сегодня Олег не пойдёт, а работать будет дома.

– Как голова? – поинтересовался он, подливая себе горячий кофе.

– Не болит, – улыбнулась я. – Хочу в магазин сходить...

Олег кивнул и взял с подоконника журнал. Пока я прибиралась на кухне, он читал у окна, потом перебрался в комнату и устроился за столом.

– Не хочешь прогуляться? – одеваясь, заглянула я в комнату. – Погода шикарная.

– Не могу, мне до завтра все это, – он хлопнул ладонью по пухлой папке, – разобрать надо. А тут такая чёртова каша!

– Сложное дело? – посочувствовала я.

– Бином Ньютона! – закивал любимый и отвернулся.

«Что ж, – подумала я, – с биномом Ньютона я ему не помощник».

И пошла на улицу.

Заглянув в универсам, я накупила продуктов и потихонечку побрела в сторону дома. На улице быстро теплело, солнышко старалось всюю. Я притормозила возле скамей-

ки и расстегнула куртку. Потом направилась к пешеходному переходу. Осталось только пересечь дорогу и пройти через двор.

Стоя в ожидании зелёного света перед полустертой «зеброй», я расслабленно шурилась на броский рекламный плакат на противоположной стороне дороги. Солнце слепило глаза, и я жалела, что не догадалась прихватить с собой солнечные очки. Вокруг оживленно переговаривались люди, в нетерпении оглядывая нескончаемый поток автомобилей.

Неожиданно кто-то меня толкнул. Я испуганно оглянулась. Позади, поправляя шапочку маленькому мальчику, топталась пожилая дама. Решив отстраниться, я шагнула к бордюрному камню. Светофор переключился на жёлтый... Вдруг слева, слепо повинувшись выжатой педали газа, дико взревел двигатель. И в следующее мгновение на переход страшной железной птицей вылетела чёрная «Волга». Визг покрышек заглушил испуганные крики бросившейся врассыпную толпы. Не тормозя, машина впрыгнула правыми колесами на тротуар, и в немом ужасе я увидела перед собой оскаленную серебряную пасть радиатора... И почувствовала, как крепкие руки, ухватив меня за шиворот, рванули назад так, что я едва не выскочила из куртки... Тускло сверкнув тонированными стеклами, мелькнула выруливающая на дорогу «Волга». Рядом со мной, крича, барахтались упавшие. В метре справа выла от боли угодившая под колесо молодая женщина. А я лежала на спине, раскинув руки в сто-

роны, и смотрела в прозрачное до звона весеннее небо.

– И что сказали? – хмуро косясь на сидящего рядом Олега, спросила Лидка.

– Сказали, что «Волгу» нашли. Без водителя, конечно. И ещё сказали, что она в угоне неделю. – Я вздохнула. – Честно сказать, я плоховато въезжала в то, что инспектор говорил. Кажется, у женщины перелом обеих ног. А у старичка инфаркт.

– И что теперь?

– Не знаю. Говорят, будут искать.

– Водителя?

– Ну да. В машине остались две пустые бутылки из-под водки. Считают, что водитель был сильно пьян.

Лидка усмехнулась. Олег заботливо поправил мне плед:

– Люба, тебе надо поспать. И ни на какую работу завтра ты не пойдёшь!

Они тихо удалились, а я пристроила вторую подушку себе на голову и закрыла глаза.

«Еще один такой поход на улицу, – отчего-то испытывая весьма странный приступ юмора, подумала я, – и, как минимум, инвалидная коляска мне обеспечена!»

На мой взгляд, повод для подобного оптимизма был.

Меня разбудил телефонный звонок. Скинув плед, я резко

села. Взгляд упал на часы: двадцать три двадцать девять.

«Где же Олег? – вдруг испугалась я. – Он должен снять трубку...»

Я выглянула в коридор, прошла на кухню. В квартире никого не было. А телефон все звонил и звонил, словно издевался над моими страхами.

– Чёрт! – в отчаянии воскликнула я, содрогаясь от одной только мысли, что сейчас снова услышу отвратительный металлический голос: – Слушаю!

– Алло! – В ответ насмешливо хмыкнула женщина. – Медведева, спишь, что ли?

– Крынка?! – Я так обрадовалась, что едва не засмеялась. – Привет!

– Привет, привет... Извини, если разбудила.

– Я не спала. Как дела?

– Как всегда. Опять поцапалась со своим паразитом... Носится с депутатским значком, как дурак с писаной торбой, прости господи!

Крынка еще долго пробираала мужа, я честно крепилась, но всё-таки не выдержала и рассмеялась.

– Вот-вот! – подтвердила Ленка. – Смех, да и только! Слушай, помнишь, мы с тобой о работе говорили?

– Конечно, помню.

– Так вот... Я поговорила кое с кем... Знаешь медицинский центр «Медирон»?

– На Макулинской? – не поверила я своим ушам. О «Ме-

дироне» знал даже самый дремучий санитар в городе. – Ну слышала...

Правда большей частью информация о «Медироне» представляла собой нечто среднее между слухами и догадками. Дисциплина там была жёсткая, и кадры подбирались самой высокой квалификации. Располагался «Медирон» в зелёной зоне, территорию имел огромную и весьма заботливо охраняемую. Центр предоставлял услуги в самых разных областях, и его оборудование отвечало последнему слову медицинской техники. Но определенная доля таинственности, окутывающая его работу, позволяла некоторым злым языкам утверждать, что в «Медироне» имеются закрытые лаборатории, где занимаются проблемами клонирования и ещё бог знает чем. Подобные версии очень любили обсуждать наши медсестры во время чаепития. Услуги центра были платными, цены весьма высокими, и зарплата у медперсонала, включая и врачей, и санитарок, была гораздо выше, чем наша. Поэтому устроиться на работу в «Медирон» мечтал каждый.

– Им как раз кардиолог нужен, я тебя и рекомендовала. Ты девка умная, исполнительная, тихая. Дисциплина там строгая, разгильдяев не берут. Операции делают – закачаешься! Всё на мировом уровне. Так что записывай... – Она продиктовала имя и номер телефона. – Скажешь, что ты от Леоновой Елены Михайловны!

Крынкин голос потонул в глухом звоне. Было похоже, что

в Ленкиной комнате колотят стекла. Однако она спокойно, но весьма язвительно усмехнулась:

– Явился... Названивает... Опять ключи забыл! Ну ладно, Любка, я потом перезвоню.

Ленка дала отбой. Я положила трубку и села, разглаживая на коленях бумажку.

– Исмаилян Акоп Ашотович, заместитель главного врача... Интересно...

Вновь грянул телефонный звонок, видно Крынка уже успела разобраться со своим народным избранником.

– Слушаю? – улыбнулась я, ожидая очередного рассказа о похождениях депутата.

– Любовь Петровна? Кажется, это бесполезно занятие – интересоваться вашим самочувствием? – Человек насмешливо хихикнул. – Пока гром не грянет...

Я услышала голос, и рука моя затряслась:

– Что вам от меня нужно? Оставьте меня в покое!

Бросив трубку на рычаг, я попятилась к двери, с ненавистью глядя на телефонный аппарат. Сейчас он внушал мне чувство, близкое к ужасу.

– Так и до психушки недалеко, – жалобно всхлипнула я, вытирая выступивший на лбу пот. – Господи, какой ещё гром? Что это значит? И когда этот кошмар закончится?

Но кошмар заканчиваться и не думал. Над головой вдруг задребезжал дверной звонок. Я подпрыгнула и, с испугу вскрикнув, рванула в комнату... Хлопнула входная дверь,

Олег ласково поинтересовался:

– Люба, ты проснулась? Это ты кричала?

Мерцая глазами, я тряслась в кресле возле окна.

– Любочка... – в голосе мужа послышалось изумление, – что с тобой?

– Кто-то звонил...

– Звонил? В дверь? – Я отрицательно мотнула головой. – И что?

– Мне стало страшно.

– Почему?

Я поёжилась и отвела взгляд в сторону.

– Не знаю. А где ты был?

– У Кольки, инструменты ему вернул. А потом мы с ним немножко поболтали. Я ведь думал, ты спишь.

Он сел на подлокотник и обнял меня за плечи. Легкий сквознячок протянул неуловимо тонкий аромат свежесвыпьютой водки. Ах, Ферапонтов... Я прижалась к Олегу щекой, вздохнув:

– Зачем же звонил, если думал, что я сплю?

– Так я через дверь твой голос услышал.

Немного помолчав, я кивнула:

– Ясно...

Надев свой самый приличный деловой костюм, я крити-

чески оглядела себя в зеркале. Однако вопреки ожиданиям, осмотр удовлетворил. Болезненная бледность и синяки под глазами исчезли, вынужденное безделье даже пошло мне на пользу. Вчера вечером я позвонила по телефону, данному Крынкой, и договорилась о встрече с человеком, носящим имя Акоп Ашотович.

Возле подъезда я столкнулась с печальным соседом слева. На лице Николая Ферапонтова явно читались следы терзаний, как душевных, так и телесных.

– Как самочувствие, Коля? – поинтересовалась я. Ведь я всё-таки врач...

Встретиться со мной глазами у него не хватило совести.

– Спасибо... Ничего... Вот, витамины пью...

Я кивнула и, словно невзначай, поинтересовалась:

– Коля, тебе Олег инструменты вернул? А то он всё забывает...

– Вернул, вернул... – живо подтвердил сосед и наконец глянул мне в лицо. В глазах плескался коктейль из тоски и надежды, словно Коля ждал, не смогу ли я каким-нибудь незатейливым заклинанием снять с него похмельный синдром. – Как раз вчера вечером. Мы с ним малость поговорили... о том, о сём...

Но заклинание я запомнила.

– А Олег от тебя по телефону звонил?

– Ага, – с ласковой безнадёжностью кивнул сосед. – Звонил... Сказал, что вы спите, боялся разбудить.

Пока я оценивала услышанное, Коля вздыхал и стыдливо ёжил могучие плечи. Прервать разговор и объяснить недовольной соседке, что ему давно пора идти поправлять здоровье, он не решался. Поняв, в чём дело, я кивнула и мы попрощались.

В двенадцать десять я подошла к служебной проходной «Медирона». Огромную территорию центра аккуратно опоясывал добротный решетчатый забор с пиками наверху. Завидев у пропускной вертушки двух дюжих охранников, я мысленно согласилась с теми, кому мерещились в «Медироне» секретные комнаты и закрытые лаборатории.

– Платова Любовь Петровна, – немного заискивающе моргнула я в лицо охранника, солидно восседающего за пластиковой стойкой. – Мне назначено на двенадцать тридцать.

Охранник окинул меня подозрительным взглядом:

– Ваши документы, пожалуйста...

Я с готовностью сунула ему паспорт и заулыбалась, испугавшись, что после всех перенесенных несчастий могу здорово отличаться от фотографии на документе.

– Ваш пропуск... – объявил наконец страж порядка, возвращая паспорт. – Пройдите сюда и ждите.

На проходной имелась комната ожидания. Как выяснилось, посторонние – а именно в таком качестве я сейчас пребывала – самостоятельно пройти на территорию не могли. Из-за отсутствия во дворе растительности из окон комнаты, как на ладони, виднелись аккуратные белые корпуса. От про-

ходной вела дорога к трём центральным корпусам, соединённым между собой переходами на высоте второго этажа и образующим необычный архитектурный треугольник. В корпусах треугольника насчитывалось по семь этажей. Немного правее стояли два одинаковых здания по пять этажей, а чуть дальше к ограде тянулось длинное трехэтажное.

С интересом поглядывая в окошко, я не заметила, как в комнате оказалась высокая сухопарая женщина в белом халате, с колючими серыми глазами и весьма неприятным голосом.

– Платова Любовь Петровна? – Я оглянулась и торопливо кивнула. Колючая женщина внушала робость. Я протянула ей пластиковую карточку, выданную охранником, но женщина проколола меня серыми иглами и бросила: – Оставьте пропуск для выхода. Пойдёмте...

«Вот оно как! – помимо воли хрюкнула я. – Войти сюда не фокус...»

Через несколько минут, пройдя по хрумкающей гравийной дорожке, мы добрались до центральных корпусов. Они нумеровались цифрами «1», «2», «3». На первом над широкой стеклянной дверью висела скромная синяя вывеска – «Медирон».

Внутреннее убранство корпуса производило самое приятное впечатление. Именно таким и должно быть медицинское учреждение: чистым, светлым и тихим. Сдав в гардероб верхнюю одежду, я получила чистые бахилы и, поспешно на-

тянув их на туфли, заторопилась за колючей женщиной, уже поглядывающей на меня в нетерпении.

Вскоре я совершенно потерялась в лабиринте этажей и переходов. Лифт моя спутница проигнорировала и, не произнося ни единого слова, быстро семенила по лестницам и коридорам. Я цепко висела у неё на хвосте, здорово боясь отстать и окончательно потеряться, поэтому, когда она вдруг остановилась, едва не ткнулась носом ей в спину. Женщина окинула меня недовольным взглядом и развернулась к двери с лаконичной черной табличкой: «Заместитель главного врача Исмаилян Акоп Ашотович». Постучав и услышав задумчивое «Да?..», она открыла дверь и объявила:

– Акоп Ашотович, Платова...

Глянув краем глаза через плечо женщины в кабинет, за огромным письменным столом я увидела полного краснощекого мужчину средних лет. Ни дать, ни взять – плюшевый мишка с чёрными глазами-бусинками...

Хозяин кабинета на мгновение задумался и дал отмашку:

– Прошу!

Я вошла, поздоровалась, меж тем дверь за моей спиной тихо закрылась, и мы остались вдвоём.

– Очень, очень приятно! – Лицо замглава озарилось улыбкой, и он жестом предложил мне присесть. – Акоп Ашотович!

– Любовь Петровна... – застенчиво начала я, но он торопливо перебил:

– Знаю, знаю, в курсе! С Шушаной Беркоевой, я вижу, вы уже познакомились. Так, значит, хотите у нас работать?

Мне ничего не оставалось, как кивнуть, хотя я прекрасно понимала, что одного моего желания для этого мало. Понимал это и Акоп Ашотович, поэтому следующие полчаса мы обстоятельно обсуждали мои профессиональные познания. У меня сложилось впечатление, что услышанным он остался доволен. Но, как вскоре выяснилось, нынешнее собеседование не были истиной в последней инстанции.

– Ну что ж... – покивал головой Акоп Ашотович. – Приходите завтра к трём часам, пропуск будет заказан. Лично я больших проблем не вижу, но у нас здесь свои порядки, и, должен вас предупредить, весьма строгие, так что...

Он развел руками и улыбнулся, красноречиво демонстрируя, что беседа на сегодня окончена.

Мы распрощались, и я снова оказалась в длинном безлюдном коридоре, абсолютно не представляя, в какую сторону идти. Я повертела головой в слабой надежде отыскать ключую даму, но вокруг было тихо, как в танке. Интуитивно дёрнувшись обратно к двери замглаврача, я вовремя себя остановила. Пожалуй, не стоит давать повод думать, что я слабонервная истеричка, не способная найти выход в самой пустяковой ситуации. В прямом и переносном смысле.

«Лифт!»— Светлая мысль озарила голову, я взбодрилась и двинулась вдоль коридора в поисках заветной кнопки.

Поиски увенчались успехом, и вскоре я уже стояла в свер-

кающем металлической чистотой просторном чуде заграничной техники. Однако панель с кнопками заставила задуматься. Несмотря на то, что этажей в корпусе было всего семь, кнопок было одиннадцать. Возле каждой горела жёлтая панелька с надписью.

– Бис... – прочитала я и задумалась. – Уровень А, уровень В...

Захотелось нажать кнопку с манящей надписью «Диспетчер», но я снова преодолела мимолетную слабость и ткнула в кнопку «Спуск». Лифт не реагировал, двери остались открытыми. Я немного подождала и опробовала «Подъём». Результат был прежним и, относительно моих намерений, отрицательным.

Выглянув из лифта в коридор, я глубоко вздохнула и опять вернулась к проклятой панели. Кнопки мягко пружинили в своих гнездах, издевательски глядя мне в лицо сверкающими кругляшками.

– И кто только такую глупость выдумал? – разозлилась я, с сердцем ткнув по кнопке «Бис». Ничего не произошло, я заскулила и снова ткнула в «Спуск». – Козлы!

«Бис» замигала красным, и двери мягко закрылись. Кабина лифта едва заметно дрогнула и поплыла... вверх.

– Козлы! – повторила я, в отчаянии роняя руки. – К чёртовой бабушке ваш «Медирон»!

Двери открылись, и я увидела перед собой такой же длинный коридор. Пока я размышляла, стоит ли выходить, двери

плавно закрылись, и лифт поехал вниз.

– Хитро, – с издёвкой хмыкнула я, – через Житомир на Пензу...

Когда двери лифта в очередной раз распахнулись, я уже смотрела на окружающее скептически и выходить наружу не собиралась.

«Буду ездить, пока не увижу гардероб!» – решила я, однако представший взору очередной пейзаж заинтриговал.

Это был небольшой холл, окрашенный в весьма необычный цвет: казалось, серая краска переливается и движется, словно живая. Я шагнула вперед, а лифт за спиной вдруг громко дзынькнул. Оглянувшись, успела увидеть, как горящая на панели зелёная цифра мигнула, превратившись в «ноль кг», двери чмокнули у меня перед носом, и лифт уехал вверх.

«Дурдом!» – испуганно подумала я и огляделась.

Помещение, в котором я оказалась, было, вероятнее всего, подвальным, но не менее аккуратным и чистым, чем весь центр. От небольшого квадратного холла в обе стороны тянулся ровный гулкий коридор шириной в пару метров, а вмонтированные в потолок плоские круглые светильники светили жёлто и тускло, создавая довольно неприятную атмосферу. Ни слева, ни справа конца коридора видно не бы-

ло, создавалось впечатление, что он плавно закругляется и уходит куда-то в бесконечность. Мне стало не по себе. Но, решив вернуться наверх, я всё-таки не удержалась – подошла поближе к стене и потрогала странную краску. Казалось, она должна была испачкать пальцы, но ничего подобного не произошло. Движение на стене являлось полнейшей иллюзией, происходившей, вероятно, из-за недостаточной освещенности.

Я хмыкнула и вернулась к лифту. К моему величайшему изумлению, какого-либо приспособления для его вызова обнаружить не удалось. Кроме того, серые двери лифта настолько сливались со стеной коридора, что пришлось пошарить руками, чтобы точно определить их контур.

– Но он здесь был! – сердито сказала я, подразумевая коварно исчезнувший плод технической мысли. – На чём-то я сюда спустилась?

Голос глухо бухнул под высоким серым потолком, завибрировал и растворился в таинственном переливающимся пространстве. Я судорожно сглотнула и умолкла. Разговаривать вслух больше не хотелось.

Делать, однако, было нечего, на помощь звать тоже некогда, я немного подумала и осторожно двинулась влево. Эхо шагов отражалось и от потолка, и от пола, отчего казалось, что вместе со мной марширует целая пехотная колонна. Это акустическое обстоятельство стоило мне немалых нервов, пока я с ним не освоилась.

Вскоре по обеим сторонам коридора я обнаружила запертые двери. Благодаря своей специфической окраске они были едва заметны, так что, вполне возможно, я уже пропустила не одну. Коридор и в самом деле незаметно плавно закруглялся, поэтому неприметные таблички с номерами кабинетов и замки для пластиковых карт отбрасывали на стену тёмные блики. «Двадцать три...» – читалось по левую сторону коридора. На двери справа красовались тонкие темно-серые цифры: один-три-семь.

Гулкая тишина подвала начинала давить на мою растревоженную психику, производя гнетущее впечатление. Я прибавила шаг и, наткнувшись ещё на несколько дверей-хамелеонов, убедилась, что по левую сторону цифры меняются по возрастающей, а по правой – наоборот. Но самое неожиданное открытие ждало меня дальше, возле широких двойных дверей, явно отличающихся от всех предыдущих.

«Морг» – значилось на широкой металлической табличке. Я уставилась на нее во все глаза, чувствуя, как по телу резвым кавалерийским галопом рванули холодные мурашки. Прижавшись к противоположной стенке, я бочком засеменила дальше, не в силах повернуться к моргу спиной. На моё счастье, впереди показалась стеклянная дверь с обычной металлической ручкой и надписью «Лестница № 11». Над дверью висела миниатюрная видеокамера. Не теряя времени даром, я вцепилась в ручку и очутилась на лестнице, круто ведущей вверх...

– Вы кто? – Изумление, написанное на лицах трёх крепких парней в синей форме охранников «Медирона», мгновенно остудило мою горячую радость от встречи с живыми человеческими существами. – Вы... откуда?

Я растерянно моргнула и чистосердечно призналась:

– Оттуда... – указав при этом на дверь, из которой только что появилась.

Это была чистая правда, крутая лестница номер одиннадцать, ведущая вверх из подвала, заканчивалась именно данной дверью.

Я стояла посередине небольшой чистой комнатки, в которой одну из стен занимали светящиеся экраны мониторов. Не надо было обладать большой фантазией, чтобы сообразить, что это видеокамеры внутреннего наблюдения. Бросив мимолетный взгляд на один из экранов, я с душевной грустью опознала холл первого этажа и недостижимый гардероб.

Охранники быстро переглянулись. Один из них поднялся, обошёл, подозрительно поглядывая, вокруг меня и выглянул за указанную дверь.

– Скворцов! – сурово обратился он к молодому рыжеволосому парню, рассматривающему меня словно ископаемую реликвию. – Дверь не заперта!

– Да! – с пионерской готовностью подтвердил упомяну-

тый Скворцов. – Она открыта!

Некоторый излишний официоз в этом потрясающем глубиной мысли диалоге меня не обманул. Несмотря на то, что чувствовала я себя сейчас глупее некуда, однако смогла заметить, как третий охранник торопливо сгребает со стола в ящик игральные карты. Вероятнее всего, доблестная охрана элементарно прошляпила мои отчаянные блуждания во мраке, поскольку дулась в «очко», откровенно манкируя служебными обязанностями.

– Как вы туда попали? – грозно хмурясь, спросил охранник. – Попрошу ваши документы...

Решив не рисковать родным паспортом, я сунула ему в руки пластиковый пропуск и, чтобы он особо не залупался, доброжелательно поинтересовалась:

– Ну и кто выиграл?

Охрана дружно закашлялась и окаменела лицом. Рыжий Скворцов и третий охранник демонстративно отвернулись к мониторам, игнорируя глупый вопрос.

– Платова Любовь Петровна? – разве что не попробовав пропуск на зуб, тоном следователя при исполнении уточнил первый охранник. – Так это вас Циш ищет?

– Что ищет? – не поняла я.

– Циш... Шушана Беркоевна, главная медсестра. Вынужден вас задержать... до выяснения! Присядьте!

И охранник принялся названивать по телефону. Смысл разговора сводился к тому, что разыскиваемый преступник

задержан, причем в результате небольшой, но очень опасной операции.

Прошло минут пять. В комнате раздался зуммер. Скворцов живо потянулся к кнопке на панели, дальняя дверь открылась, и на пороге появилась колючая медсестра Шушана Беркоевна. Охрана дружно вскочила на ноги, но та их даже не заметила. Она смотрела на меня.

– Платова! Почему вы ушли самостоятельно?

Поставленный таким образом вопрос меня развеселил. Что, не все здесь после собеседования могут самостоятельно передвигаться?

– А как я должна была уйти?

– Вы должны были дожидаться меня!

– Извините, – сказала я, вставая, – не знала. Надо было предупреждать!

Шушана Беркоевна сердито сверкнула глазами:

– На будущее имейте в виду: посторонним самостоятельные передвижения по центру запрещены! Это не базар, а медицинское учреждение...

– А я подумала – военный полигон, – не утерпела я, выходя вслед за Шушаной Беркоевной.

Она зашипела, но промолчала.

Когда я оказалась дома, шёл уже пятый час. Я устала, про-

голодалась и меньше всего сейчас была склонна к болтовне. Но меня, словно притаившийся в кустах тигр, поджидал телефон. Дождавшись, когда я устало рухну на табурет, жадно поглядывая в сторону закипающего чайника, он зазвонил разливисто и с чувством. Помучившись несколько мгновений сомнениями, я подняла трубку.

– Привет! – заверещала она Лидкиным голосом. – Рассказывай!

Рассказ вышел гораздо короче, чем мои блуждания, но на подругу произвел весьма сильное впечатление.

– Никогда бы не подумала! Отчего же такая секретность?

– Если бы знать! – воскликнула я. – Они же принимают пациентов, только плати. Правда, вход другой, с Пелевинской улицы...

– У них есть и льготные категории. Кажется, ветераны... И ещё они по договорам с вузами принимают студентов. У нас Вера Антоновна работает, у неё дочка в педагогическом, так она говорит, там дорогостоящие обследования проводят, если нужно. Может, просто у тебя... всё так неудачно сложилось? – задумчиво предположила Лидка. – Может, эта медсестра имела в виду, что там легко заблудиться?

– Нет, она определенно сказала, что посторонним запрещено... И так далее, – вспомнив Шушану Беркоевну, я заново почувствовала раздражение. – Вот после подобных запретов и рождаются сплетни про лаборатории для клонирования или про создание искусственного интеллекта!

– Да у нас естественного не хватает, куда уж до искусственного! – завздохала подруга.

– Это точно, – согласилась я. – Теперь и не знаю, как быть... Работать с такой мегерой...

Но Лидка вполне резонно заметила:

– Слушай, ты ведь врач! А она только медсестра. Это сейчас ей неинтересно субординации придерживаться, а будешь занимать должность официально...

Все-таки Лидка славная девчонка и, как говорится, всегда зрит в корень. В самом деле, чего я раскисла?

Когда я укладывалась в постель, все сегодняшние переживания казались настоящими пустяками.

«Зато куплю себе тот кожаный пиджак... – мечтательно думала я, укутываясь одеялом и бессознательно косясь одним глазом на часы. Они показывали без пятнадцати двенадцать. – И те туфли на шпильке...»

Рядом сладко посапывал муж, по-детски закинув руки за голову. Я придвинулась ближе, уютно пристроив голову на его плече. Глаза неотвратимо слипались, последним усилием воли я глянула на будильник и почему-то подумала: «Не позвонил...»

Тщетно стараясь скрыть волнение, я робко ёжилась на кончике массивного деревянного стула, стоящего возле рос-

кошного письменного стола главного врача «Медирона» Седоватого Михаила Викторовича. Его пронзительные, словно подёрнутые тонкой ледяной изморозью, голубые глаза внимательно изучали мое пылающее лицо, заставляя нервно стискивать пальцы и поминутно заикаться. Я же решилась взглянуть в его худое морщинистое лицо всего пару раз. Михаил Викторович до сердечной боли напоминал мне грифа, с ласковой улыбкой высматривающего место, куда клюнуть.

– А когда вы решили поступить в медицинский? – поинтересовался он вдруг.

По всей видимости, наша беседа уже подходила к логическому завершению, а этот вопрос терзал главного с самого начала. Я вздохнула. Что ж, это вполне понятно: врач не должен робеть и заикаться ни в присутствии начальственного ока, ни при виде моря крови. Сидеть мне до пенсии в родной поликлинике, выписывая рецепты старушкам, приходящим на прием, как на работу, – поговорить и пожаловаться на пенсию.

– Все девочки мечтают стать врачами. Или учителями... Правда, Любовь Петровна? – доброжелательно хихикнул сидящий по правую руку от главного Акоп Ашотович.

Натянута улыбнувшись, я бросила благодарный взгляд в его сторону и кивнула. По доброте душевной он явно пытался разрядить несколько натянутую атмосферу. Однако из-за моей спины послышался смешок:

– Врач – это призвание.

«Чёртова кукла!» – подумала я.

Расположившаяся возле двери Шушана Беркоевна громко вздохнула. Мнение главной медсестры уже было понятно. Правда, им пока никто не интересовался.

– Да, – отозвалась я, собрав всю силу воли в кулак и делая вид, что не слышала язвительного замечания. – Я действительно мечтала стать врачом с самого детства.

Главврач обменялся с замом длинным взглядом, Шушана снова хихикнула.

«Все, – подумала я, – сейчас скажут: «Извините... все хорошо, просто распрекрасно, но вы нам не подходите!» Стервятник, коала и ехидна!»

Я поднялась и, подвинув стул на место, вежливо оскалилась:

– Что ж... Я всё рассказала. Теперь вам, вероятно, надо это обдумать. Мой телефон у вас есть. Спасибо... До свидания!

Повернувшись к двери, я почти пропела:

– Шушана Беркоевна, не откажитесь проводить меня ещё разок...

В просторном кабинете повисла странная тишина. Если бы не бронзовые часы, громко тикавшие на блестящей столешнице, её вполне можно было бы назвать мёртвой.

– Раз вы так последовательны в достижении мечты своего детства, – вдруг раздался за моей спиной голос главного, – думаю, мы, как коллеги, просто обязаны вас поддержать...

Не так ли, Акоп Ашотович?

Его тихий невыразительный голос пригвоздил меня к паркету. Пару секунд мы с Шушаной таращили друг на друга удивленные глаза, потом я оглянулась.

– Образование у вас приемлемое, рекомендации прекрасные... Желание налицо... Конечно, сразу в штат вас, Любовь Петровна, не зачислят. Испытательный срок два месяца. Вопрос заработной платы и прочие детали обсудите с Акопом Ашотовичем. Если вас все устроит, – главный поднялся и протянул мне руку, – милости просим...

Я шагнула вперёд и растерянно пожала узкую сухую ладонь:

– Спасибо...

Обсуждение материальной стороны дела заняло до смешного мало времени. Оклад превышал мой нынешний почти в три раза, центр предоставлял сотрудникам бесплатные обеды, а от перспектив возможных приработков в будущем, красноречиво описанных Акопом Ашотовичем, голова у меня и вовсе пошла кругом.

Теперь предстояло отработать в поликлинике последние две недели. И к чувству радости от предстоящих перемен странным образом примешивалось щемящее чувство грусти.

Купив по дороге «Мартини», я вернулась домой и занялась ужином. Конечно, назвать его праздничным было бы чересчур громко, но сегодняшний день всё же стоило отметить.

Телефон в офисе мужа долго не отвечал, затем кто-то резко сорвал трубку, и я услышала раздраженный голос бухгалтера Сергея:

– Доценко слушает!

Обычно он отличался весьма уравновешенным характером, поэтому я немного растерялась.

– Здравствуйте, Серёжа... Позовите, пожалуйста, Олега!

Я знала, что они с Олегом в приятельских отношениях. Но сейчас бухгалтер раздраженно рявкнул:

– Кто его спрашивает?

Окончательно растерявшись, я проблеяла:

– Это я, Люба Платова...

Перемена, произошедшая с голосом сердитого бухгалтера, была мгновенной и разительной. Теперь я едва могла разобрать торопливое и сбивчивое бормотание:

– Ах, Любовь Петровна, извините, бога ради! Не узнал! Совсем закрутился! – Мне показалось, что он сконфужен ничуть не меньше, чем я. – Ах, извините ещё раз!

Далее выяснилось, что мужа в конторе нет, поскольку он выехал к клиенту, и когда вернется обратно, неизвестно. Я посетовала, что мобильный телефон супруга не отвечает. Сергей немедленно вспомнил:

– Да-да! Всё правильно! У него села батарея... А перезарядить не успели, поскольку Олега сорвали внезапно...

Я поблагодарила замороченного бухгалтера и повесила трубку. Торжественный ужин в одиночестве – это, конечно, оригинально, но не ново.

Прождав до половины одиннадцатого, я поглядела в тёмное слепое окно и невесело усмехнулась. Впрочем, мне грех было жаловаться – последнюю неделю мы с Олегом прожили душа в душу, что перекрывало обычную норму почти в два раза. Лимит на тихое семейное счастье снова заканчивался.

Налив «Мартини» в бокал, я чокнулась с бутылкой и провозгласила:

– За любовь!

Бутылка отозвалась звонким дребезжанием. Я выпила бокал до дна и со стуком отставила в сторону. Потом уронила голову на руки и заплакала.

Вряд ли найдется ещё одна бутылка вермута, которой удалось за один вечер выслушать столько слёз и жалоб. Моя безмолвная подружка оказалась благодарной слушательницей. Она не давала советов и не унижала жалостью. Просто слушала и, наверное, оттого пустела так быстро.

– Слушаю! – Алкоголь притупил остроту реакции, и я ответила на телефонный звонок прежде, чем осознала, что делаю. – Это ты, Олег? – Я вдруг рассмеялась. – Ты опоздал! Ей-богу, опоздал! Я уже почти всё выпила!

Мой возбужденный голос проваливался в чёрную глухоту

телефонного пространства, увязая в нем, словно в болоте.

– Олег, – голос мой предательски дрогнул, – ведь это ты?

– Не хотелось бы тебя расстраивать, – гулко раскатилось в трубке, – но Олега здесь нет...

Я сжалась в комок, испытывая острейшее желание трубку бросить. Но пальцы вцепились в неё так, что побелели костяшки.

– Ну, здравствуй... Не буду спрашивать о здоровье, думаю, с ним всё в порядке... Да?

– Да, – хрипло квакнула я и неожиданно расхрабрилась: – Хотя вы только что пообещали про него не спрашивать.

Человек усмехнулся:

– Ты меня подловила... Обещания надо выполнять.

– Может, пообещаете больше сюда не звонить? – Я запнулась, внезапно поняв, что подсознательно ждала этой странной игры, желая услышать завораживающий глухой бас. – Приличные люди не звонят в незнакомый дом так поздно.

– Приличия – выдумка высохших старых дев. Не говори мне больше об этом.

– Да я вовсе не собиралась с вами разговаривать! Это вы досаждаете людям в неурочный час, разводя глупую таинственность и понапрасну занимая телефонную линию. Скажете, я не права? – Собеседник не отзывался, и я разошлась: – Может, вы телефонный маньяк, которому нравится пугать слабонервных женщин? Тогда знайте: я вас ни капельки не боюсь! И вообще, когда позвоните в следующий

раз, то разговаривать будете уже с милицией...

— Прекрати... — подал он голос, и чувствующаяся в нем искренняя досада заставила меня прикусить язык. — Просто невероятно, что иной раз приходит в голову пьяной женщине. — Я слабо вякнула, в изумлении вытаращившись на полупустую бутылку. — Я бы на твоём месте забыл слово «милиция», как православный христианин слово «чёрт». Однако я бы помнил, что тот, кто не может на неё рассчитывать, должен быть осторожен вдвойне.

— Вы мне угрожаете?

— Дура... — Он протяжно вздохнул. — Дура и есть. И отчего мне показалось, что ты не дура?

Моя стеклянная подружка глянула на меня выразительно, и, несмотря на мой ангельский характер, в груди моей начало klokотать, как в закипающем котелке.

— Сам дурак! — Я произнесла непривычное словосочетание со вкусом и настоящим удовольствием. — Нельзя толком объяснить: в чём дело?

— Вряд ли тебе понравится то, что ты можешь узнать.

— Может, я сама разберусь, что мне нравится?

— Может. А может, и нет. И ещё один последний бесплатный совет: не стоит ничего менять в жизни, крепко не подумав...

Не успела я подать голос, а в трубке уже бойко пикали короткие гудки.

— Свинья! — торопливо крикнула я, впрочем, прекрасно

сознавая, что меня уже никто не слышит. – Пугай свою бабушку! Нахал! Козел! Придурок!

На этом я выдохлась и умолкла, тщетно пытаюсь выудить из памяти ещё что-нибудь оскорбительное. Но ничего подходящего случаю в голову больше не шло, и я поостыла, напоследок задумчиво протянув:

– И чего он ко мне привязался?

Не прошло и десяти минут, как я услышала звук открываемой входной двери. На пороге комнаты показался Олег. Увидев сервированный стол, покрытый нарядной белой скатертью, он изумленно выгнул брови.

– Это ещё что? – Взгляд его упал на бутылку. – Ничего себе! Люба, да ты вроде как пьяная?

В голосе мужа зазвучали привычные нотки. Ещё через десять минут об пол грохнулась первая фарфоровая тарелка. Завершение ужина по поводу перехода на более престижное место работы было громким и прошло, как говорится, с размахом.

Две недели промелькнули незаметно. Телефонный незнакомец бесследно исчез, как видно, исчерпав во время последнего разговора весь запас полезных советов.

Наступил долгожданный день. На небе сияло солнышко, и денёк обещал быть жарким. Проснувшись пораньше, я нето-

ропливо приводила себя в порядок. Мурлыча привязавшуюся песенку, с лёгким сердцем вспоминала вчерашнее прощальное чаепитие в родимой поликлинике, где коллегами про меня было сказано немало хороших и добрых слов. С такой характеристикой не стыдно было бы отправляться в последний путь – место под райской яблоней мне уже было обеспечено.

Во время завтрака позвонила Лидка. Поздравила, строго наказала не трусить и на провокации главной медсестры не поддаваться. Больше меня поддержать было некому – Олег снова пребывал в командировке, то ли в Саратове, то ли где-то ещё. Поэтому телефонный звонок, заставший меня уже в коридоре, заставил сердце забиться чаще. Всё-таки он помнит обо мне...

– Хотел бы тебя поздравить, но язык не поворачивается, – я молча хапнула ртом воздух, и радостное: «Олежек, ты откуда?» застряло в горле. – Ты намеков не понимаешь ни прямых, ни косвенных...

Нежданный звонок оказался сродни бензиновому пятну в прозрачной чистоте светлого весеннего утра. Во рту появился отвратительный привкус, и горячая волна раздражения от собственной беспомощности разом залила лицо.

Пять минут назад я чистосердечно считала, что окончательно избавилась от странного собеседника. Но он появился вновь, причем в то самое утро, когда я собралась совершить столь важный шаг в жизни. И если раньше я была уве-

рена, что все совпадения в его словах были случайными, то сейчас эта уверенность таяла. Он знал обо мне всё, ну если не всё, то многое... Кто-то за мной следит? Но зачем? Своих секретов у меня не было, чужих я не знала. На любовный флирт такое поведение тоже мало походило...

– Что вам, в конце концов, от меня нужно?

– Оставь всё по-прежнему, – попросил незнакомец и вздохнул. Гулкое металлическое эхо раскатилось по трубке и тоже вздохнуло. – Поверь, так будет лучше.

– Что? – не поверила я своим ушам. Вдруг показалось, что тупее меня не сыскать человека в целом свете. Я не понимаю решительно ничего. – Что оставить?

– Не надо перемен, – упрямо отозвалась трубка.

– Почему?

– Ну... ты осложнишь мне... – он замялся, пытаясь подобрать слово, – всё...

«Это сумасшедший, – неожиданно поняла я, мгновенно окунаясь в волну липкого страха. – Точно сумасшедший! Вбил себе в голову какую-нибудь чушь... Такой запросто подскочит на улице и ткнет ножиком в спину... И будет доказывать, что ему голос сверху был...»

Закусив губу, я судорожно искала подходящий в столь деликатной ситуации ответ, одновременно жалея, что в своё время занялась кардиологией, а не психиатрией. И поскольку никакого опыта в душевных беседах с психами у меня не было, я решила схитрить и пойти по пути наименьшего

сопротивления.

– Хорошо, – сказала я, думая о том, что давно пора поставить телефон с определителем номера. – Мне не хотелось бы, чтобы у вас из-за меня были проблемы. Я не буду ничего менять, не волнуйтесь...

Псих весело хмыкнул:

– Удивительная трезвость мышления! До подозрительной прозрачности. Она радует меня столь сильно, что я даже огорчен.

«Стопроцентный псих...» – окончательно уверилась я и, поставив наконец диагноз, немного успокоилась.

– Не стоит огорчаться! Всё будет хорошо, поверьте мне! Сейчас весна – время перемен и обновления... Но всё, что изменится, произойдет естественным путем, легко и безболезненно... А вам нужно отдохнуть, набраться сил...

На том конце провода царила тишина, видно, псих вникал в вышесказанное. А что, по-моему, вышло недурно. Тут я кинула взгляд на часы. Господи, да я же опаздываю...

– Извините, я должна с вами попрощаться... У меня молоко убежало... Всего наилучшего!

Я шваркнула трубку на рычаг и от облегчения даже рассмееялась. Всё, сеанс психотерапии окончен...

Выскочив из подъезда, я бегом рванула на остановку. Ав-

тобуса не наблюдалось. Славно будет опоздать в первый же рабочий день!

Я подошла к краю тротуара, выглядывая попутку. И не успела поднять руку, как к бордюру подкатила темносерая «девятка». Я торопливо сунулась к дверце, но в последнюю секунду в груди ёкнуло.

«Столько всего может случиться... Пока гром не грянет... Не стоит ничего менять в жизни, крепко не подумав...» — замелькало вдруг в мозгу.

Я осторожно заглянула в салон. Мордастый потрепанный жизнью мужчина лет сорока радостно скалился всем, что у него оставалось во рту.

– Куда?

Хмурясь, я нерешительно разглядывала водителя и помалкивала.

– Ну едрень-пень, едем или нет?

Это незатейливое восклицание вывело меня из задумчивого ступора, и я кивнула:

– На Макулинскую...

– Давай, залазь! – Казалось, мужик обрадовался. – Сговоримся!

Садясь в «девятку», я настороженно поглядывала по сторонам, но ничего подозрительного не заметила. Расслабившись, я посмотрела на водителя. Он выглядел счастливым. Поймав мой взгляд в зеркало, оскалился еще шире:

– Это я удачно тебя подхватил!

Я улыбнулась в ответ, размышляя, что он имел в виду. Всё оказалось очень просто. Мужик тоже ехал на Макулинскую, только в самый конец. Можно считать, что на меня он не истратил ни капли бензина. Грех человеку не радоваться.

Дело свое хозяин «Жигулей» знал – прошло чуть больше десяти минут, а я уже подходила к служебной проходной «Медирона».

Фасад седьмого корпуса, называемого консультационным, входил в периметр ограды. Персонал проходил в корпус с территории центра через служебный вход, а клиенты попадали в него прямо с улицы.

Чем ближе подходила я к дверям, тем сильнее колотилось сердце. Как я ни старалась, но пальцы предательски холодели, а щёки, наоборот, наливались огнем. И тут голову неожиданно посетила странная мысль...

– А ведь я забыла сказать дядьке, куда именно ехать! Я только сказала: «Макулинская...» – забормотала я, с усилием дергая ручку массивной двери служебного входа.

Но размышлять об этом далее было невозможно – я уже стояла перед высоченным охранником с пышными усами. С интересом разглядывая нового человека, усач заполнил какие-то графы в журнале и выдал мне именной пропуск с фотографией и ключ от шкафчика в раздевалке. На бледно-сиреневой ламинированной карточке красовались моё имя, фамилия и должность. В нижнем правом углу мелким черным шрифтом значилось: «Уровень доступа – пятый».

Миновав пост, я оказалась в квадратном холле. Справа был небольшой гардероб, пустующий по случаю тёплой погоды, слева – дверь с табличкой «Шкафы индивидуального хранения». Тут было пусто. Я нашла свой шкафчик, открыла и стащила с пластмассовых плечиков хрустящий белый халат. Не теряя времени, переделась и приколола к воротнику халата бейдж с пропуском.

Выйдя в холл, я на всякий случай вытащила листок, хотя и так помнила всё наизусть.

– Корпус номер семь, этаж третий, кабинет триста двадцать один. Жанна...

Так звали мою медсестру.

Лифт в седьмом корпусе был без закидонов. Я нажала на кнопку «3» и приехала на третий этаж. Недалеко от лифта находились два поста. За левой стойкой восседала веселая пухлая толстушка в белом халате, справа сидел хмурого вида мужик в форме охранника. Он внимательно оглядел меня, пропуск и буркнул:

– Здравствуйте, Любовь Петровна!

– Здравствуйте! – задорно подхватила толстушка. – Добро пожаловать!

Возле кабинета триста двадцать один стояла высокая смуглая брюнетка. Ее волосы, уложенные в аккуратное каре, были столь темны, что казались смоляными.

– Жанна? – Она кивнула. – Здравствуйте, меня зовут Любовь Петровна...

Мой кабинет по сравнению с кабинетом в районной поликлинике выглядел царским дворцом после тщательной стерилизации. Шкаф с медикаментами, кушетка с одноразовыми пеленками, мягкий вертящийся стул с подлокотниками... На столе – компьютер.

«Просто сама себе не верю!» – украдкой вздохнула я.

Впрочем, предаваться размышлениям времени не было. Жанна включила компьютер и показала карты пациентов. Что ж, по всей видимости, стоимость услуг «Медирона» была оправдана: пациента здесь обследовали от пяток до затылка.

– Результаты анамнеза заносятся сюда... Особые случаи... Вот патология, а сюда – здоровые... Это разные папки, – медсестра шустро порхала тонкими пальчиками по клавиатуре.

Я послушно кивала, пытаясь удержать в голове весь объём свалившейся информации. Скоро я поняла, что запомнить всё сразу нереально. Жанна меня успокоила:

– Впрочем, их обычно заполняю я. А со временем вы сами разберётесь...

Я потихоньку перевела дух. Мне не хотелось краснеть перед первым пациентом, судорожно выискивая нужную кнопку. Однако не зря говорят, что не так страшен чёрт, как его малюют: ближе к обеду я уже лучезарно улыбалась очередному входящему, здоровалась и называла по имени-отчеству. Пациент приятно удивлялся, и дальнейшее наше общение

большей частью проходило при полном взаимопонимании.

Всё было гениально просто. Окно со списком пациентов было выведено в угол экрана. Получая из рук посетителя талон, я мельком сверяла фамилию, одновременно видя в компьютере его полное имя-отчество. Особенно эта небольшая хитрость впечатляла старушек преклонного возраста и преуспевающих бизнесменов. Последние, видимо, считали, что я узнаю их в лицо.

Я и не заметила, как промелькнуло время, когда Жанна, сидящая за столом справа, шлепнула по кнопке, закрывая файл, и сказала:

– Любовь Петровна... Сейчас перерыв, сорок минут. Успеете пообедать. Потом четыре пациента, и на сегодня всё.

Мы спустились на второй этаж, где располагалась столовая для персонала. Жанна быстренько показала, что где находится, объяснила правила, и вскоре мы сидели за зелёным пластиковым столиком возле окошка с белоснежной портьерой.

Излишней разговорчивостью медсестра не отличалась. Однако с охотой отвечала на вопросы, с любопытством кося на меня свои тёмные, чуть раскосые глаза.

Конечно же, меня в первую очередь интересовали существующие в «Медироне» порядки. Кое-что из того, с чем я уже успела столкнуться, казалось если не странным, то чересчур строгим. Например, перед началом приёма ключ от кабинета забирала медсестра. Но войти в кабинет без вра-

ча не могла. Так же как врач не мог сам взять ключ на посту. Подобных мелочей оказалось множество, однако вразумительно их истолковать Жанна не смогла.

– Ну а если медсестра опоздала? Как быть? – отправляя в рот кусок жареной рыбы, поинтересовалась я.

По лицу Жанны промелькнула тень:

– Так не бывает...

– Как не бывает? – удивилась я. – Никто не опаздывает?

Она упрямо качнула головой:

– Здесь никто не опаздывает. Себе дороже: уволят – пикнуть не успеешь. А сюда на каждое место охотников, знаете, сколько?

Я, конечно, не знала, но догадывалась.

– А ты знаешь Шушану Беркovieвну? Циш, кажется, фамилия...

– Шушану? – Жанна усмехнулась. – А как же! Кто ж её не знает! Мойдодыркoй кличут. Если совсем не к чему придраться, мазнет по плинтусу и палец выставит: «Гря-я-з-но!» Я бы назвала её «в-каждой-бочке-затычка»! Достает весь центр. Говорят, что даже Седоватый с ней не связывается!

После чего Жанна опомнилась и испуганно оглянулась, словно ожидая увидеть за спиной призрак злобной медсестры, достающей даже главврача. Не узрев ничего опасного, она успокоилась, и принялась за десерт.

Маленькая старушка в зелёной вязаной кофте тихо и незаметно, словно фантом, просочившаяся в дверь, окинула кабинет подозрительным взглядом, и протянула талон:

– Здрас-сь-е-е...

Шипение, раздавшееся из тонких, плотно сомкнутых губ, сильно напоминало змеиное. От таких пациентов спуску не жди, это я уже знала по опыту.

«Что ж, не все коту масленица...» – подумала я и приветливо улыбнулась:

– Здравствуйте, Зинаида Никитична! Присаживайтесь...
– Зинаида Никитична взглянула на меня пронзительными глазами и молча села. – Что вас беспокоит?

Старушка задумчиво пошамкала губами и снова промолчала. Мысленно я вздохнула: «Похоже, из бабуси признание придется тянуть щипцами!» Если б я только знала, как ошибаюсь! Чуть позднее выяснилось, что Зинаида Никитична вовсе не робела, а просто собиралась с мыслями. Её прорвало внезапно.

– Когда я в тысяча девятьсот шестьдесят втором году перешла с кондитерской фабрики в гастроном, что на Лесной...

Я вздрогнула, а рука медсестры замерла над клавиатурой компьютера, словно замёрзла. Переглянувшись с Жанной, я незаметно кивнула. Ничего страшного, пожилым людям

всегда требуется немного больше времени, чтобы изложить свои мысли. Сохраняя на губах вежливую улыбку, я превратилась в слух.

Графа «Жалобы пациента» оставалась чистой. Зинаида Никитична входила во вкус, продолжая красочно описывать свой жизненный путь и, кажется, даже не помышляя эти самые жалобы высказывать. Мои культурные намеки, что пора бы перейти к цели визита, действия не возымели. Настала пора решительных мер.

– Раздевайтесь! – отрезала я. – Послушаем сердце!

И сурово продемонстрировала фонендоскоп. Старушка запнулась и обиделась на целых три минуты. За это время я успела послушать ее бойкое сердце.

– Одышка есть?

– Нету, – сердито ответила Зинаида Никитична. И выдержала паузу в пару секунд. – Но вот если по лестнице быстро поднимуся, особенно если ночь любви уже начинается...

Фонендоскоп едва не выпал из моих ослабевших рук, а брови Жанны вылезли на лоб. Я откинулась к спинке стула, изумленно разглядывая разговорчивую пенсионерку.

– Что, извините, начинается?

– Ночь любви, – с чувством повторила бабушка и удивилась: – Вы разве не знаете?

Мы с Жанной в который раз переглянулись и дружно покачали головами. Во взгляде Зинаиды Никитичны появилась жалость, густо перемешанная с презрением.

– Да что вы! По седьмой программе после новостей идет... Телевизора, что ли, нету? «Ночь любви»... ну про Эльхуцию... Там сестра у неё с ногой... Которая всё отомстить хотела...

Увидев мои вытаращенные глаза, Жанна плавно задвинулась за монитор, ткнулась лбом в клавиатуру и затряслась от беззвучного смеха. Мне прятаться было некуда. Я была застигнута врасплох и безжалостно смята железными гусеницами любовного мексиканского сериала. Честно выслушав сюжет первых шестидесяти трех серий, я жалко спасовала и готова была уже выбросить белый флаг, но тут на помощь пришла отсидевшаяся за монитором Жанна.

– Так, Зинаида Никитична... измерим-ка давлениице...

Шустро выбравшись из-за стола, сестра ловко спеленала старушку тонометром. Та, отвлѣкшись на затейливую штуковину, сбилась с темы и умолкла. Послав сестре благодарный взгляд, я вытерла дрожащей рукой пот со лба и потянулась к бланкам рецептов. Меня страшно подмывало выписать говорливой пациентке хорошего слабительного, в расчете на то, что у неё останется гораздо меньше времени на просмотр всякой ерунды. Но профессиональный долг взял верх над эмоциями. Не давая больше бабушке раскрыть рта, я протянула ей рецепт и срывающимся голосом взвыла:

– Следующий, пожалуйста!

Следующий, он же последний сегодняшний пациент оказался умопомрачительным шатеном с васильковыми глаза-

ми и мускулистой грацией дикой кошки. Увидев его, Жанна мурлыкнула что-то нечленораздельное и снова плавно уехала за монитор. Я осталась один на один с неземной красотой и пламенным взглядом, пронизывающим от бровей до самых пяток.

– На что жалуетесь... Максим Андреевич?

– На сердце... – проникновенно выдохнул Максим Андреевич, не отрывая глаз от моего лица.

– Что ж, посмотрим. Расстегните рубашку.

Пациент повиновался с некоторой излишней поспешностью. Не сводя с меня горящего взора, он ловко дёрнул замшевую планку. Сухо звякнули металлические кнопки зелёного джемпера, и глазам предстало великолепное зрелище. Мускулатура приятно поражала качеством, для достижения которого явно было приложено немало усилий.

«Для нас нет мужчин и женщин... – торопливо повторила я про себя любимую присказку профессора из института. – Для нас есть только пациенты!»

– Только пациенты... – тихо пробормотала я, слушая четкий ритм здоровейшего сердца.

Тут Максим Андреевич принялся тяжело вздыхать. Я подняла голову, и мы встретились с ним глазами.

– Что именно беспокоит, Максим Андреевич? Я не вижу проблем...

– Что вы, доктор! – испуганно протянул он. – У меня же сердце... Замучило сердце...

Вскоре появилось неприятное ощущение, что надо мной издеваются. Как попал сюда этот верзила и куда смотрел терапевт, когда направлял его ко мне? Да на нем дрова можно возить, освободив от работы двух лошадей...

– И давно оно вас беспокоит?

– Давно... Уже целых десять минут. Вот как только дверь вашу открыл – так всё...

Я отпрянула назад, грозно сломав брови на переносице. Однако не прошло и двух секунд, как на моем лице появилась улыбка.

– Что ж, Максим Андреевич, если так, придется пройти серьёзное обследование... – В этом месте улыбку я убрала, и коротенько обрисовала ему план последующего лечения.

– Не надо! – оживился пациент и умоляюще вытянул вперед руку: – Я врачей боюсь...

После чего игривым движением накрыл мою ладонь своей.

Положение становилось дурацким, и я уже начала жалеть, что не дослушала остальные триста восемьдесят две серии про Эльхуцию. Аккуратно, но решительно вытянув руку из-под лапы наглого молодого человека, я машинально оправила пуговицы своего халата и глянула в сторону Жанны. Происходящее ее здорово веселило, она отчаянно морщила нос, чтобы не рассмеяться. Моей медсестре в цирк ходить не надо, на работе весело.

– Что ж... – теперь я окончательно разозлилась, и голос

завучал выше. — Ограничимся рекомендациями профилактического характера, поскольку никаких нарушений в работе сердечно-сосудистой системы я не вижу. Вам можно в космос лететь. А... — я сделала эффектную паузу, — по поводу боязни врачей... В нашем центре есть прекрасные специалисты, занимающиеся фобиями. Вот к кому вам действительно следует обратиться!

Я развела руки в стороны, показывая, что приём окончен. Несколько мгновений мы с Максимом Андреевичем молча сверлили друг друга взглядами, потом он поднялся. Дурашливое выражение глаз пропало, только губы ещё кривила лёгкая усмешка.

— Большое спасибо, доктор... Вы мне очень помогли... До свидания!

— Всего доброго! — бессознательно пряча глаза, кивнула я.

Когда за ним закрылась дверь, я облегченно перевела дух.

— И чего такой здоровяк по врачам таскается? — вздохнула я, вдруг почувствовав, как устала. — Делать, что ли, нечего?

Жанна торопливо закивала, соглашаясь. Выражение ее лица было какое-то напряженное, казалось, она хотела что-то сказать, но не решалась.

Закрыв глаза, я откинулась на мягкую спинку кресла.

«Слава богу, на сегодня всё...» — подумала я, но, как оказалось, с выводами поторопилась.

В дверь кабинета постучали. Заглянула весёлая толстушка с поста:

– Любовь Петровна! Через пятнадцать минут в первом корпусе совещание. Кабинет двести двадцать...

– Совещание? – Я удивилась. – Мне никто не говорил...

– Я вам говорю! – отрезала толстушка и скрылась за дверью.

Я повернулась к Жанне:

– Двести двадцатый – ведь это кабинет главврача?

Она кивнула.

– А почему так срочно?

– Это обычное дело, – пожала плечами сестра. – Так всегда новых сотрудников представляют.

Взглянув на часы, я решила, что пора двигаться в сторону главного корпуса. Пока мы с Жанной ждали лифт, она задумчиво вздыхала, мялась, явно томясь какой-то тайной, непосильной для слабовольного девичьего языка.

Металлические двери дзынькнули, закрываясь за нашими спинами. Жанна сделала глубокий вдох и решилась. Я с безучастным видом разглядывала свое отражение, боясь медсестру спугнуть.

– Любовь Петровна... Вообще-то я не должна вам рассказывать... – Я посмотрела на Жанну ласково и ободряюще улыбнулась. – Но тут так заведено... чтобы лучше узнать, что из себя представляет новый специалист... В общем, послед-

ние четыре пациента были наши сотрудники.

Я приложила массу усилий, чтобы не раскрыть от удивления рот. В первое мгновение это показалось обидным.

– Зинаида Никитична в прачечной работает... – продолжала Жанна, наконец посмотрев мне в лицо и улыбнувшись. – Вообще-то, она очень добрая. Но, говорят, с первого раза её никто «не проходит»... А Максим Андреевич Тигрин из охраны. Нормальный мужик, вы не обижайтесь. Просто он пошутил...

Голос Жанны звучал сочувствующе, наверное, вид у меня все же был растерянный. Лифт остановился на первом этаже, двери открылись. Я тоже улыбнулась и кивнула:

– Всё в порядке... Спасибо, что сказала!

Мы попрощались.

Я задумчиво разглядывала в зеркале свое отражение, плавно поворачиваясь то одним, то другим боком. Кареглазая брюнетка послушно повторяла мои движения, кокетливо поигрывая густыми ресницами.

– А ты очень даже ничего... – сказала я брюнетке. – Симпатичная. И глаза у тебя красивые.

Про глаза – это уже слова Максима Андреевича Тигрина. Он так и сказал:

– Любовь Петровна, у вас очень красивые глаза... – По-

том немного помолчал и добавил: – Не сердитесь, пожалуйста, на меня. Иногда приходится выполнять такие дурацкие поручения...

Я и не сердилась. Потому что совещание, от которого у меня испуганно ёкало сердце, прошло словно под лозунгом: «Платова Любовь Петровна – ум, честь и совесть нашей медицины!»

Когда я вошла в кабинет Михаила Викторовича, там уже собралось человек десять. Я узнала Акопа Ашотовича, Шушану Беркоевну, двух сегодняшних пациентов и любительницу страстных любовных ночей Зинаиду Никитичну из прачечной. Увидев меня, она задорно подмигнула. Всё-таки хорошо, что Жанна предупредила...

Главврач предложил всем сесть, после чего коротко меня представил. Минут через пять после начала в кабинет постучали, и на пороге появился Тигрин.

– Простите за опоздание... – буркнул он, устраиваясь на стоящем рядом со мной свободном стуле.

Седоватый кивнул и обратился ко мне:

– С Максимом Андреевичем вы уже, по-моему, знакомы... – Но я сделала вид, что удивлена, и он удовлетворенно продолжил: – Это начальник нашей охраны.

Потом главврач произнес небольшую речь, сводившуюся в основном к тому, что центру необходимо заниматься воспитанием собственных кадров. После чего взялись за меня. Совещание длилось не более получаса, но мне казалось, что

прошла вечность. Сидеть и слушать, когда о тебе говорят в третьем лице, оказалось невероятно трудно. Я комкала в руках носовой платок, стараясь не показывать, что нервничаю. Но все четверо «пациентов», словно сговорившись, меня хвалили.

— Ну что ж... — подвел наконец итог Михаил Викторович, внимательно выслушав своих коллег. — Я очень рад! «Медирону» жизненно необходимы высококвалифицированные кадры... — Тут он немного увлекся, снова сбившись на кадровую проблему, но всё же смог выровняться: — Поздравляем вас, Любовь Петровна, с удачным началом!

Мне, конечно, не хлопали и цветов не дарили, но было очень приятно. Единственным человеком, который никак не выразил своего отношения к происходящему, оказалась Шушана, задумчиво мерцающая глазами из дальнего кресла. Впрочем, этому я и не удивилась.

Чтобы я снова невзначай не заплутала в недрах главного корпуса, меня любезно вызвался проводить Максим Андреевич. Очутившись в вестибюле первого этажа, я вежливо поблагодарила его за помощь. На это он откликнулся встречным предложением:

— У вас сегодня был трудный день. Давайте я подвезу вас до дома!

Недолго думая, я согласилась. Начальник охраны поминал за собой, мы миновали несколько дверей и лестниц и очутились в подземном гараже.

Машин здесь было много. Судя по маркам автомобилей, сотрудники «Медирона» не бедствовали. Мы остановились возле блестящего при неярком искусственном освещении чёрного «СААБа». Мой спутник открыл переднюю дверцу, и я с замирающим сердцем сунулась в манящий полумрак шикарного салона.

В дороге мы большей частью молчали, изредка обмениваясь дежурными фразами о погоде. Я этому была рада: оказавшись в расслабляющем уюте мягкого кресла, поняла, что устала до дрожи в коленках.

«СААБ» плавно подкатил к подъезду дома. Вопреки обыкновению, я не стала сразу бросаться на дверцу в твёрдой решимости побыстрее выбраться на улицу. Казалось, сама машина мягко погасила такой порыв, заставив дожидаться, пока Максим Андреевич обойдёт её спереди и откроет мою дверцу.

– Прошу вас!

Я оперлась на предложенную ладонь и изящно выскользнула из салона. Вот тогда-то он и сказал:

– Любовь Петровна, у вас очень красивые глаза... И не сердитесь, пожалуйста, на меня. Иногда приходится выполнять такие дурацкие поручения... – И чуть тише добавил: – Но у вас на приёме, как на исповеди, я отвечал чистую правду...

В следующий миг Тигрин уже возвращался к тихо урчащей машине. Через мгновение она тронулась, а я стояла и

смотрела вслед, пока её сверкающие бока не исчезли за ближайшим поворотом.

Едва не кляцая с досады зубами, я изнывала над телефоном, как папуас над консервной банкой. Пошел уже второй час, но у Лидки в квартире никто не снимал трубку. Снимать ее, кроме самой Лидки, сейчас, собственно, было некому. Её мама, Нина Сергеевна, гостила у старшего сына в Туле, а мужа Вовку Лидка выгнала ещё два года назад. Глянув на часы, я решила, что дам ей последний шанс, потом пусть пеняет на себя. Ещё раз набрала номер. После третьего гудка раздался щелчок и послышался вялый подружкин голос:

– Слушаю!

– Наконец-то! – обрадовалась я. – Давно пришла?

– Только вошла, разуться не успела...

– А-а-а! – протянула я. – А я звоню, звоню! Где была-то?

– Да по складам мотались весь день, устала как собака...

Ну а у тебя как дела?

Я доложила весь день подробно, именно в той последовательности, в которой все происходило. Услышав о подставных пациентах, она фыркнула:

– Никогда не слышала ни о чем подобном! Ну и ну! Прямо какая-то медицинская секта! Тебя там кровь новорожденных младенцев пить не заставляли?

Но когда я рассказала, как прошло совещание, Лидка немного успокоилась.

– Я всегда утверждала, что ты прекрасный специалист! Только цену себе не знаешь!

Тут она села на любимого конька, рассуждая о моих достоинствах и недостатках некоторых других членов общества. Это был камень в огород отсутствующего в столь важный момент Олега.

Муссировать тему моего замужества я не стала. Дождавшись, когда подруга выговорится, словно невзначай, упомянула о начальнике охраны «Медирона». Вернее, о том, что он сказал мне на прощание. На том конце провода повисло секундное молчание, потом дорогая подруга голосом, полным удивленного недоверия, протянула:

– Медведева... с каких это пор ты обращаешь внимание на комплименты посторонних мужчин?

– Эй! Эй!.. Это ты, что ли? – Я вздрогнула и недоуменно огляделась вокруг. Возле автобусной остановки притормозили темно-серые «Жигули». Из окошка на меня радостно скалилась щербатая физиономия вчерашнего попутчика. – Я гляжу – вроде ты. Только кофта сегодня другая. Может, подвезти? Я опять туда же. Могу скидку сделать, раз по дороге...

Предложение было заманчивое. Однако оно было несколько неожиданным, и я задумалась, растерянно хлопая глазами на водителя. Увидев мою нерешительность, он посерьезнел:

– Да не хочешь, не надо. Я думал, тебе опять туда. Просто помочь хотел. Ну ладно...

Тут я ожила:

– Ой, спасибо! Мне и правда опять на Макулинскую. – Я сунулась к окошку и подозрительно спросила: – А сколько скинете?

Водитель устремил суровый взгляд сквозь лобовое стекло и кивнул:

– Залазь... Договоримся!

Через минуту мы уже неслись вперед по растрескавшемуся пыльному асфальту, дружно подпрыгивая на колдобинах.

– Меня Игорь Фёдорович звать... – поглядывая на меня в зеркало заднего вида, сообщил хозяин «девятки». – Я всё од-но в это время здесь езжу. Уж лет... да чёрт его знает, сколько лет! Можем договориться – буду тебя каждое утро подби-рать. На автобусе с пересадкой меньше не накатаешь...

Я слушала Игоря Федоровича и размышляла. Он был кру-гом прав, только...

– Вчера я не сказала, где именно остановиться... Почему вы сразу подвезли меня к проходной медицинского центра?

На это Игорь Фёдорович дёрнул плечами и громко фыркнул:

– Велика загадка! Да где ж тут ещё тебя было высаживать? Здесь одни заборы да гаражи, а у тебя костюмчик, как у учительницы.

Не знаю, но объяснение по какой-то причине показалось мне чрезвычайно умным, а собеседник – наблюдательным. Однако верить ему на слово я всё же не собиралась.

– А документы ваши можно посмотреть? – храбро пискнула я, оглядывая профиль водителя взглядом, в котором всё же сквозило подозрение.

– Документ? Это паспорт, что ли? – Я кивнула, и он одобритительно рассмеялся. – На, гляди... Вот тебе и водительские права на всякий случай... Документы на машину надо?

Документы на машину я проигнорировала, показывая, что определенный кредит доверия у меня Игорь Фёдорович всё-таки имеет, а права и паспорт взяла.

«Так... Христенко Игорь Фёдорович... Год рождения... Батюшки, старый-то он какой! А так не скажешь... Улица Медная, дом двадцать восемь... И правда, недалеко от нас. Надо же, имеет право управлять транспортными средствами всех категорий. Прямо орел, а не мужчина...»

Вернув бумаги владельцу, я одобритительно кивнула и сообщила:

– Меня зовут Любовь Петровна! Я в «Медироне» работаю...

Второй рабочий день начался точно так же, как и первый. Переодевшись, я поднялась на лифте на третий этаж, где меня снова ждала Жанна с ключом от кабинета в кармане. Мы улыбнулись друг другу, поздоровались и заняли каждая свое место. Жанна включила компьютер.

– Значит, совещание прошло хорошо, Любовь Петровна? – спросила она, быстро щелкая «мышкой».

– А как ты догадалась? – удивилась я.

– Ну... если вы сегодня снова здесь... – протянула медсестра, не отрывая глаз от монитора, – значит, всё в порядке.

Мне оставалось только покачать головой.

Загруженный под завязку день промелькнул незаметно. Проводив последнего пациента, мы вместе с Жанной спустились на первый этаж. Здесь мы нос к носу столкнулись с начальником охраны.

Торопливо буркнув: «До свидания!», медсестра тенью растворилась в недрах раздевалки.

– Здравствуйте, Любовь Петровна! – улыбнулся Тигрин, протягивая руку. – Как прошёл второй день?

Ответив на рукопожатие, я вежливо улыбнулась:

– Без вас, Максим Андреевич, было гораздо скучнее...

Он весело хмыкнул:

– Что ж... придется снова к вам заглянуть. Только с одним условием: называйте меня по имени!

Пустая болтовня продолжалась еще несколько минут. Я

мельком глянула на часы: сегодня должен вернуться из командировки Олег, надо успеть приготовить ужин. Собеседник перехватил мой взгляд:

– Я сейчас еду к площади Победы... Если вам по дороге, могу подвезти.

Площадь Победы находилась в трёх минутах езды от нашего дома, поэтому особенно долго я не размышляла. Знакомым уже путём мы направились в подземный гараж. В этот раз я обратила внимание, что все двери Тигрин открывал с помощью своего пропуска, используя его как ключ.

Добравшись до машины, он любезно распахнул дверь «СААБа», я приготовилась сесть, и прямо перед носом у меня оказался приколотый к лацкану его пиджака сиреневый квадратик.

«Уровень доступа – нулевой», – успела прочитать я.

Максим закрыл дверцу и обошёл машину. Когда он опустился на свое сиденье, лацкан его пиджака был девственно чист.

Подъехав к дому, я увидела, что в окнах нашей квартиры горит свет. Значит, Олег вернулся раньше, чем обещал. Пожалуй, скандала не миновать. Ужин не готов, а общаться с индийским носорогом гораздо безопаснее, чем с голодным мужем. Видимо в лице у меня что-то изменилось, потому что Максим вдруг спросил:

– Люба, у вас всё в порядке?

Я вздрогнула:

– Конечно... Спасибо, что подвезли...

И, не дожидаясь, пока он выйдет и откроет мне дверь, живо выскочила наружу. Тигрин торопливо вылез из машины и крикнул вслед:

– Люба! Что-то не так?!

Не оглядываясь, я влетела в подъезд. Только не хватало, чтобы его увидел в окно Олег.

Кусая от волнения губы, я долго давила на чёрную кнопку звонка, но муж к двери не подходил.

– Что он опять выдумал? – в отчаянии зашептала я, судорожно разыскивая ключи. – Когда только прекратятся его фокусы?

Наконец нащупала связку, дрожащими руками отперла замок и шагнула в коридор.

– Олег?

Ответом была полнейшая тишина. Кинув сумку на тумбочку, я прошла на кухню, заглянула в спальню. Никого. Теряясь всё больше, шагнула на порог гостиной и замерла, открыв рот...

– Олег? – снова позвала я, и голос дрожал от неуверенности и удивления. – Ты дома?

Но Олега дома не было. Зато был накрытый на двоих стол, сервированный изумительным синим фарфором. В центре

два изящных золотых амура держали подсвечник с тремя синими свечами, рядом стояла бутылка дорогого французского вина. Я закрыла глаза и потрясла головой. Это не мой фарфор и не мои амуры... Тут я ойкнула, всплеснув руками.

– Господи, как я сразу не догадалась! Олег специально вернулся пораньше, чтобы сделать мне подарок! О таком сервисе я мечтала всю жизнь! А подсвечники?! Я их обожаю!

Я запрыгала, хлопая в ладоши. Но следующая мысль, пришедшая в голову, веселья немного поубавила. Где он сам? Ответ, зная непростой характер супруга, напрашивался сам: Олег всё приготовил, но меня не было слишком долго. Ужина тоже нет. В дополнение ко всему, он вполне мог увидеть в окно, как меня подвёз Максим... Чёрт! Я топнула с досады ногой. Однако, если Олег видел меня в окно, значит, он где-то здесь... Скорее всего выскочил к соседям. К Ферапонтову... Точно!

Я кинулась на лестничную площадку и принялась названивать к Кольке. Прошло минут пять, прежде чем он открыл. Вид у Ферапонтова был заспанный.

– Люба? – разглядев меня в дверях, Колька чему-то изумился. – Ой, то есть Любовь Петровна! Здравсьте! Извините, я спал...

Мне было плевать, хоть бы он плясал.

– Коля, а Олег не у тебя?

Я смотрела с надеждой, отчего Ферапонтов смутился окончательно.

– Кто? Олег? Ваш муж? Не... Не знаю... Извините, но у меня его нет.

На тот случай, если Олег попросил соседа соврать, я окинула Колю пронзительным взглядом. Торопливо пригладив взъерошенный чуб, Ферапонтов испуганно спросил:

– Случилось чего? Может, вам помочь?

Огорченно вздохнув, я покачала головой.

– Спасибо, Коля, не надо. Просто я подумала: вдруг Олег к тебе зашёл?

Голубые глаза Ферапонтова, смотревшего на меня почти с отчаянием, не врали. Если бы Коля мог сейчас извлечь моего супруга из рукава, как фокусник кролика, непременно бы это сделал.

К Мытариным Олег бы не пошел. Он недолюбливал Маринку за длинный язык и за то, что она не скрывала своей к нему неприязни. В четвертой квартире на нашей площадке проживала почтенная пенсионерка Марфа Кондратьевна, милая старушка, но глухая как пень. С остальными жильцами подъезда Олег знакомства не водил.

Я вернулась в квартиру.

Заглянув на всякий случай еще раз во все углы, села в гостиной на диван и поджала ноги. Под руку подвернулась маленькая диванная подушка. Так я и сидела: обнимая подушку и разглядывая нарядный стол.

Около десяти вечера раздался звонок в дверь.

– Кто там? – мой голос невольно дрогнул.

– Это я!

Я распахнула дверь, недоверчиво глядя за порог. Передо мной, радостно улыбаясь от уха до уха, стоял Олег. Он шагнул в коридор, приткнул возле вешалки свой чёрный чемоданчик и сгрёб меня в охапку.

– Привет! Я соскучился!

Сердито хмурясь, Лидка потыкала вафельной трубочкой в подтаявшее мороженое и уточнила:

– А ты не думаешь, что он просто-напросто пудрит тебе мозги?

Кинув растерянный взгляд на снующих внизу прохожих, я пожала плечами:

– Я, в принципе, не знаю, что и думать...

Мы сидели на открытой веранде летнего кафе галереи искусств, где недавно открылась новая выставка, ожидая заказанный кофе. Сегодня была пятница, у меня по графику выходной, а Лидка наплевала на работу в принципе, поскольку я позвонила ей вчера вечером и сказала:

– Вельниченко! Завтра надо встретиться, или я по фазе съеду...

На веранде, кроме нас, никого не было, чему я была рада, поскольку хотелось выговориться в спокойной обстановке.

– Может, тебе у него об этом спросить?

– О чем?

– О звонках.

Я нервно хихикнула:

– Ты бы видела вчера глаза Олега, когда я принялась благодарить его за великолепный сюрприз! Когда он понял, о чём говорю, дар речи потерял. Потом клялся, что только что приехал и ни о каком сервисе слыхом не слыхал. Честное слово, я уж думала, он мне санитаров вызовет! А что будет, если еще спросить: «Дорогой, это не ты мне звонишь в двенадцатом часу ночи металлическим басом?»»

Лидка отодвинула от себя пустую вазочку и, поставив локоть на стол, оперлась подбородком о кулак.

– Да уж... Но всё равно картина неприглядная. И подозрительная. Ведь этот твой псих никогда не звонил при Олеге... Как ему знать, когда его нет?

– Это не мой псих! – возмутилась я. – Он мне даром не нужен!

Она поморщилась:

– То есть ты хочешь сказать, что абсолютно уверена: звонил не Олег?

Я запнулась на полуслове, поскольку вдруг поняла, что поклясться в этом не могу. Хочу, но... не могу.

– Он вчера такой счастливый приехал... Соскучился, говорит...

Подруга язвительно хмыкнула:

– Соскучился? Может, и правда в командировке был? –

Тут она развернулась, взглянув мне прямо в глаза. – Скажи-ка, а почему ты мне сразу всё не рассказала?

Некоторое время мы молча глядели друг на друга, я не выдержала и отвела взгляд. Лидка кивнула и ответила сама:

– Да потому, что тебе сразу пришло в голову, что это очередной его фокус! Непонятно только, чего он от тебя добивается: развода или психушки?

Попала она, как говорится, в «десятку», и я окончательно сникла. Поскольку всё-таки надеялась, что Лидка найдет какое-нибудь простое объяснение происходящему и избавит меня от мучительных подозрений.

– Ладно, тогда давай рассуждать трезво, – шевельнулась подруга, корча умную физиономию.

– Давай! – обрадовалась я.

Лидка выпрямилась и принялась загибать пальцы:

– После нападения неизвестный позвонил в первый раз... Так? Так! Олег был на работе. Второй звонок был... когда?

– После встречи с одноклассниками, когда меня под машину толкнули. Мы поругались, он ушёл, вот тогда...

Тут официантка принесла кофе. Проводив её взглядом, Лидка склонилась к столешнице и зловещим шепотом продолжила:

– А когда тебя чуть «Волга» по асфальту не раскатала, где он был?

– Дома.

– Нет, я имею ввиду, когда псих звонил, вспомни...

– К Кольке Ферапонтову ходил, – тихо отозвалась я, вздохнув. – Инструменты вернул.

– А чего на ночь глядя?

– Ему надо было звонить по делу, он побоялся меня разбудить. Мне Колька сказал, – ответила я, глядя в сторону. Лидка ждала. – Псих звонил после собеседования в «Медироне» и утром в первый день.

Лидка заёрзала по стулу, отчаянно силясь промолчать, но всё-таки не вытерпела:

– Твой маньяк в курсе всех маломальских событий! – Она усмехнулась. – И при этом ни разу (!) Олега не было дома! И когда в вашей пустой и запертой квартире появляются чужие вещи, он утверждает, что ничего не знает?

Вопрос был риторический, однако, прикусив кулак, я нервно закивала. Чувствуя близкие слёзы, полезла за носовым платком. Глядя на меня сочувствующими глазами, подруга жалостливо завздыхала:

– Ну, Любаша... Не расстраивайся... Мы же просто строим предположения! Может, всё гораздо проще...

– Например? – проявила я интерес, раздумав плакать, поскольку найти свой платок не смогла.

– Когда он позвонил в первый раз? После того, как хулиганы тебе по башке звезданули? Так? А куда мы тогда поехали? Правильно, в больницу «Скорой помощи»... И что?

– И что? – попугаем повторила я, никоим образом не въезжая в суть Лидкиных рассуждений.

Казалось, чтобы меня утешить, она судорожно лепит версию, которую сама ещё не придумала.

— И то! — решительно заявила она. — Там и адрес твой записали, и телефон. А дежурный, между прочим, знаешь, как на тебя смотрел?

— Знаю, — буркнула я, убедившись, что Вельниченко явно бредит. — Смотрел как на двинутую по башке тяжелым предметом. Самой-то не смешно?

Настаивать на версии она не стала. Сомкнула пальцы корзинкой и уставилась в потолок, задумчиво шевеля губами. Я сидела и глядела на Лидку, грустно размышляя о том, что в моей собственной голове сейчас вовсе нет ни одной мысли. Ни умной, ни глупой. Я была растеряна, подавлена и обманута.

Несмотря на полную, до голубизны, прозрачность мыслей, я вдруг заметила, как Лидка перевела взгляд за мою спину, и в её глазах совершенно определенно засветился интерес. Я оглянулась.

На веранду, чинно придерживая длинные подолы, поднимались две холёные дамы преклонного возраста. Головы обеих венчали мудрёные широкополые шляпки с цветочками, отчего казалось, что на общепитовский простор выплывали две клумбы. На пышной груди первой дамы покоилось нервное лохматое создание, завёрнутое в пёстрый шёлковый палантин, при ближайшем рассмотрении оказавшееся собакой. Она беспокойно вертела головой, размазывая ушами по

просторному хозяйскому подбородку алые полосы.

– Зизи опять размазала тебе помаду, – пророкотала вторая дама, тоже держащая собачонку на тонком серебряном поводочке.

Подруга, вытирая ладонью подбородок, благодарно кивнула.

– Безобразница, Зизи! – Она чуть откинула назад голову, разглядывая свое бесценное сокровище, щедро украшенное бантиками. – Ах, ты мое золотце!

Вслед за дамами на веранду мелко просеменила официантка в белой блузочке и крахмальной наколке на волосах.

– Прошу! Садитесь, где вам удобно... Пожалуйста, можно сюда...

Она махнула рукой на угловой столик, однако хозяйка Зизи недовольно отозвалась:

– Нет, нет! Зизи здесь продует!

Тут Лидка, с любопытством наблюдающая за происходящей церемонией, фыркнула от смеха. И в следующую секунду была окинута холодным, словно наш остывший кофе, надменным взглядом.

Наконец дамы выбрали место по вкусу, оказавшись, таким образом, в противоположном от нас углу. Пока официантка принимала у них заказ, Лидка шепнула:

– Что за зверь на бюсте?

– Не исключено, что это йоркширский терьер, – с видом специалиста отозвалась я. – Хотя по одним бантам судить

трудно.

Оставив в покое забавных посетителей, мы вновь занялись обсуждением странностей, происходящих со мной в последнее время. Однако минут через десять Лидка посмотрела куда-то в пол и хмыкнула:

– Это ещё что?

В паре метров от нашего стола, веером распустив лохматую юбку, сидел небольшой чёрный песик с длинными густыми бровями и забавным хвостиком-морковкой. Он принадлежал подруге хозяйки Зизи и, по идее, должен был сейчас сидеть на серебряном поводочке возле её стула. Но он сидел около нас, неподвижный, словно истукан, лишь изредка шевеля мохнатыми бровями.

– Эй! – рассмеялась вдруг подружка. – Он мне подмигивает!

– Он не подмигивает, – авторитетно сказала я. – Просто ему лень шевелить головой, и он шевелит только глазами. А брови двигаются... Это скотчтерьер. Значит, шотландский...

Словно соглашаясь с моими выводами, пёсик кротко вздохнул.

– Ишь ты, какой! – умилилась Лидка, сложив ладошки. Тут бы ей и замолчать, но она продолжила: – Гляди, дурак, а тоже соображает!

Брови скотчтерьера недоуменно замерли, и в блестящих карих глазах определенно появилось неодобрение. Подо-

ждав, когда мы вернёмся к разговору, он тихонечко поднялся. Что, по причине его небольшого роста, осталось практически незамеченным...

– Ой! – неожиданно подпрыгнула на стуле Лидка. – Что такое?

Она живо сунулась под наш столик, оттуда, высоко задрав бородатую голову, с независимым видом гордо прошествовал скотч.

– Ты что? – удивилась я.

– Он... он... – тараща глаза, заклацала челюстью подруга, – ...он мне в туфлю надул!

Подавившись, я выронила из пальцев чашку. Меж тем пёсик, удалившись на изрядное расстояние, развернулся и сел, меланхолично созерцая синеющую от злости Лидку.

– Ах ты... швабра... – задыхаясь, выдавила она.

На шум оглянулась заболтавшаяся хозяйка.

– Арнольд! – запричитала она, хватаясь за поводок с пустым ошейником на конце. – Где ты? Что случилось?

С душераздирающим стоном Арнольд поднялся на коротенькие лапки и, прихрамывая, поплёлся в сторону хозяйского столика. Увидев это, дама схватилась за сердце, и тут взгляд её упал на нас.

– Как вам не стыдно? – взвилась она. – Что вы сделали с несчастным животным?

В тон ей дверным звонком зазвенела хозяйка Зизи:

– Безобразие! Зачем вы приманиваете чужую собаку?

Хлюпнув под столом мокрой туфлей, Лидка проводила хвостатого симулянта гневным взглядом и, не обращая на вопли никакого внимания, громко сказала:

– Ах ты, валенок блохастый!

Наступила секундная пауза, а потом тишину прорезал предынфарктный выдох:

– Блохастый?.. Арнольд?..

Последовавшая вслед за этим перепалка сделала бы честь любому художественному фильму соответствующего жанра. В два голоса, активно разбрызгивая слюну, звенели Зизи с хозяйкой. Владелица Арнольда потрясала кулаками, призывая в свидетели самого господ бога, что более недостойных созданий, чем мы с Лидкой, ей никогда не встречалось. Лидка успевала отвечать всем троим, включая Зизи, которую называла не иначе как задрипанной мочалкой. Помалкивал только Арнольд, разглядывая участников дружеской дискуссии с видом полнейшего удовлетворения на бородатой физиономии. Пожиная плоды трудов праведных, он понимал, что сегодняшний день прожит не зря.

Меж тем дело принимало совсем нежелательный оборот. По всему было похоже, что дебаты могут перерасти в рукопашную. Я заволновалась. Сначала я попыталась успокоить Лидку, но подруга успокаиваться не желала и продолжала ругаться виртуозно и высокохудожественно. Тогда я попыталась призвать к рассудку старшее поколение, за что была обозвана тощей вертихвосткой, на чём и заткнулась. По сча-

стью, минут через пять на веранде появилась официантка. Увидев её, стороны смешались.

Я торопливо попросила:

– Счёт, пожалуйста!.

Мы расплатились и, не глядя на вражеский столик, двинулись к выходу. Те нас тоже игнорировали, сосредоточенно поглощая мороженое. И только Арнольд проводил нас печальным взглядом, явно сожалея, что веселье так быстро закончилось.

Выйдя на улицу, мы прошлись немного молча, но потом глянули друг на друга и расхохотались.

– Жутко нахальная попалась собака! – качая головой, сказала Лидка. – Додумалась: подошла и описала мне ногу!

– Не подошла, – поправила я, – а подошёл. Это Арнольд, он мальчик. Не надо было его дураком называть!

– По мне – хоть Сильвестр! – отмахнулась подружка. – Швабра – швабра и есть!

Вскоре мы оказались недалеко от нашего дома.

– Может, зайдем? – предложила я. – Олег на работе... Выпьем кофе в спокойной обстановке? Заодно покажу этот чёртов сервис.

Лидка кивнула, и мы свернули к подъезду.

– Вот, пожалуйста! – окинув широким жестом комнату,

предложила я. – Любуйся! Я ничего не трогала, всё стоит, как было.

Подруга прошла на середину и, уперев руки в бока, хмыкнула:

– Ну и ну! Хороший сервиз! – Она подошла ближе и взяла в руки тарелку. – Дорогой, наверное... Смотри, какой тонкий. И не весит ничего! А вино? Французское? Белое? То же небось денег стоит! Погоди, Любасик, а ты ведь не пьёшь белое?!

Она оглянулась на меня, и я кивнула:

– Точно. Терпеть не могу.

– И Олег это знает?

Я снова кивнула.

– Тогда, выходит, это не он? – задумчиво процедила Лидка, и в её взгляде появилось явное огорчение.

Вернув тарелку на прежнее место, она села на диван и, недоуменно моргая, уставилась на золотых амуров. Я присела рядом.

Огорчение подруги я разделяла, поскольку мысли о вине тоже приходили мне в голову. Зачем покупать такое дорогое, если его заведомо никто не будет пить? Однако поводы для огорчения у нас были разные: Лидку печалило, что она ошиблась насчет Олега, я же терзалась от мысли, что неведомый маньяк развлекается не только телефонными звонками, но и гуляет по моей квартире, как у себя дома.

– Но он мог пойти на это ради конспирации! – упрямо

тряхнула кудрями Вельниченко, по-прежнему свято веря, что все приключаящиеся со мной неприятности исходят исключительно от мужа.

Не успела она до конца развить мысль о масштабах коварства Олега, как зазвонил телефон.

– Да?! – торопливо отозвалась я.

Слушать Лидкины нападки на мужа было неприятно.

– Любовь Петровна? – задребезжало в трубке. – Рад слышать бодрый голос!

Повернувшись к Лидке, я выразительно вытаращила глаза. В ответ она тоже вытаращилась и вопросительно pokrутила у виска пальцем. Я закивала.

– Отдыхаешь сегодня? И правильно! Надо больше о здоровье думать... А что скажешь о новой выставке? – У меня челюсть отвисла. Лидка заволновалась и пересела поближе, тревожно заглядывая мне в лицо. – Чего молчишь?

– Зачем вы за мной следите? – наконец выдавила я.

Псих вздохнул:

– Я за тобой не слежу. Просто я за тебя... беспокоюсь...

– И в чём разница?

– Если бы я за тобой следил, то ты бы обо мне ничего не знала. Улавливаешь?

– Нет, – честно ответила я, оглядывая вибрирующую от нервного возбуждения подружку. – А почему вы за меня беспокоитесь?

– Ты разве не замечала ничего... странного? У тебя про-

блемы.

Я покосилась на ангелочков и фыркнула:

– Я на свою проблему сейчас смотрю...

– Ты о подруге?

– Нет, – сердито отозвалась я, поскольку поняла, что он прекрасно осведомлен о Лидкином присутствии, – о синих тарелках...

– О! – оживился вдруг собеседник. – И как тебе мой подарок?

Я молчала, сосредоточенно моргая на противоположную стену. Этот парень ещё и видит, куда я смотрю? Он приволок сюда сервиз, подсвечники, а заодно приспособил где-то устройство для съёмки... Погоди, я женщина тихая, но ты окончательно вывел меня из равновесия!

– Отвратительный сервиз, мерзкие амуры, а вино – настоящая гадость! – отчеканила я, с интересом наблюдая, как по синему Лидкиному пейзажу от любопытства пошли красные пятна.

По-моему, заявление произвело впечатление и на психа, поскольку он умолк. Однако дыхание отдавалось глухим металлическим перекатом, и я знала, что он ещё на связи.

– Жаль... – слышала я, и пусть я провалюсь, если в его голосе не звучало огорчение. – Хотел сделать тебе приятное... Ведь перебито столько посуды...

Он помолчал еще несколько секунд и дал отбой. Я положила трубку. Привычку мужа колотить во время ссор тарел-

ки я никогда не афишировала. И с невероятной досадой ощутила, что испытываю нечто близкое к мукам совести.

– Ну? Что? – выпалила подруга, хватая меня за руки. – Что он сказал? Господи, да говори же!

– Он расстроился, – тихо сказала я. – Ей-богу, расстроился...

– Почему?

– Хотел сделать мне приятное. А я обозвала вино гадостью. Зря я с ним так... Тем более что вина я даже и не пробовала.

Лидка немного отстранилась, недоуменно хмурия брови. Она долго разглядывала меня, словно пытаюсь вникнуть в какую-то непостижимую суть, не смогла и, наконец, уточнила:

– погоди, Медведева... Что-то я не пойму... Ты расстроилась из-за того... что он расстроился?

Я задумалась, и сама начиная ощущать абсурдность ситуации.

– И после всего этого, – нехорошим голосом протянула Лидка, – у тебя хватит совести убеждать меня, будто ты не веришь, что это дело рук Олега? И что глаза у тебя на мокром месте из-за какого-то постороннего придурочного дяди?

Внятного ответа пока не имелось, поэтому я глубоко вздохнула и выступила с дельным предложением:

– Слушай, подруга! Давай-ка пошарим по комнате, поищем, не засунул ли куда этот сукин сын скрытую камеру?

Через полтора часа, стерев со лбов солёный трудовой пот, мы устроились на кухне... Темы для разговора никак не находилось.

Мы перевернули гостиную вверх дном, пытаясь отыскать камеру, но всё было тщетно. Особо тщательно исследовали вражеский сервиз и подсвечник. Даже бутылку вина откупорили. Для верности перетрясли и всю остальную квартиру, однако результат был прежним. Либо мы слишком глупы, либо никакой камеры не было и в помине.

– Ну что? – нарушила молчание Лидка и, взяв в руки распечатанную бутылку, заморгала на этикетку: – Ча-ща... Ша-то...

– Не мучай этикетку! – нахмурилась я, в ожидании глядя на любимую подругу.

В общих чертах я догадывалась, что она сейчас предложит. Перехватив мой взгляд, Вельниченко скорчила умную физиономию:

– Неплохо пахнет... этот, как его... букет! Может, попробуем?

– А если оно отравлено? – сурово спросила я, Впрочем, больше из принципа: бутылка была фирменной, запечатанной со всеми церемониями, включая номер на пробке.

Лидка фыркнула:

– Ерунда! Кому нужны такие трудности? Ему гораздо проще отравить тебя компотом...

– Кому – ему? – рыкнула я, грозно сощурившись.

Её безосновательные нападки на Олега начали выводить меня из себя.

– Я вообще! – заторопилась Лидка. – В общем.

Минуту-другую мы сердито сопели друг на друга, потом я достала из шкафа бокалы, и подруга разлила мировую, хихикнув:

– Что ж... Но давай хоть чокнемся перед смертью!

Если вино и было отравлено, то яд был замедленного действия. Прошло полчаса, бутылка опустела наполовину, а мы всё ещё были живы.

– Слушай, дорогая, – задумчиво протянула я, – прибраться бы тут не мешало... Олег скоро вернётся, а квартира вверх дном.

– Да, – не менее задумчиво отозвалась Лидка. – Надо.

Однако мы продолжали сидеть, расслабленно вытянув ножки.

– Я всё поняла, – неожиданно объявила подруга, подняв вверх указательный палец. – Он наугад брякнул! А мы два часа, как свиньи, копались...

Я обдумала сказанное и с выводами согласилась. Стало горько. Сколько теперь уборки, и главное, всё впустую!

– Выброшу его сервиз к чёртовой матери! – мстительно шурясь, сказала я.

Подруга подхватила:

– Правильно! – И добавила: – Бросай в мою сумку.

Мы развеселились. И всё бы ничего, если б я вдруг не глянула в сторону двери. Там стоял Олег и смотрел на нас с очень странным выражением лица.

– Ой! – пискнула я, одновременно растерявшись и обрадовавшись. – Ты уже дома?

– Глубокомысленное замечание, – отозвался муж, и я сразу догадалась, что намечается очередной домашний междусобойчик. – Мне что, сказать «нет»?

Я глупо улыбнулась, а Лидка, явно раздосадованная этим внезапным появлением, развернулась к Олегу вместе с табуретом.

– О-о-о! Здравствуйте, фельдмаршал! Плацдарм для боя готовишь?

Возможно, в другое время Лидкины слова можно было списать на шутку, но сейчас эти двое смотрели друг на друга, словно волки до обеда.

– Ну конечно! – с издевкой воскликнул Олег, делая вид, что только сию секунду ее заметил. – Вельниченко! С кем же ещё может пьянствовать моя дорогая половина? И чем ещё заняться двум порядочным женщинам в свободное время?

Пока подруга набирала в легкие воздух для ответного выпада, он снова повернулся ко мне:

– В чём дело? Что здесь происходит? Почему вся квартира перевернута? Что ты моргаешь, как дура? – Я не нашлась что

ответить, поскольку выпитое несколько притупило остроту реакции. Хотела убрать бутылку под стол, но Олег рывком перехватил мою руку. – Ты пьёшь белое?

И тут произошло то, чего я больше всего боялась. Лидка поднялась с места и, глядя Олегу в лицо, многозначительно хмыкнула:

– Уж какое покупаешь...

Я оцепенела в своем углу, ясно осознав, что на бескрайних просторах нашей маленькой кухни зреет большой скандал. Если не выпроводить Лидку немедленно, начнутся проблемы, причем львиная их доля достанется мне.

– Лида, я тебя провожу! – Вскочив на ноги, я уцепила её под руку и потянула в коридор. – Пошли...

– погоди! – рявкнул Олег, и мы дружно замерли. Он ткнул пальцем в Лидку. – И что ты хотела этим сказать?

Лидка зашипела, словно габонская гадюка, и зло процедила:

– А то ты не знаешь!

– Чёрт возьми! – взревел супруг. – Что за идиотские намеки?!

Я ужаснулась и собралась зареветь. Но Лидку одним воплем не напугаешь. Она, не глядя, двинула меня локтем в бок и рявкнула не хуже Олега:

– Нечего дурака-то валять! Ты что, из бабы психопатку сделать хочешь? Кто, кроме тебя, мог это сделать? Какой сумасшедший? Квартира была заперта! А вору вещи выносят,

а не вносят!

Олег посверкал немного глазами, совладал с чувствами, поскольку прекрасно знал, что подругу на глотку не возьмёшь, и почти спокойно отозвался:

– Ах, квартира заперта? Прекрасно! Разберёмся!

Он обошел нас и вышел в коридор. Мы с Лидкой переглянулись.

– Лидка, – зашептала я дрожащим голосом, – Лидка, я тебя умоляю!

Ровно через полчаса в дверь позвонили. На пороге стояли двое. Один в милицейской форме с капитанскими погонами, второй в штатском.

– Здравствуйте, – вежливо сказал милиционер. – Это квартира Платовых?

Я кивнула. Вот кому звонил Олег!

– Петр Семёнович, приветствую! – Из комнаты показался улыбающийся супруг. Там они с Лидкой, продолжая переругиваться, допивали вино. Я в это время прибиралась. – Спасибо, что пришёл!

Капитан оживленно закивал, заулыбался и энергично потряхнул Олегу руку. Потом снова взглянул на меня:

– Климин! А это младший лейтенант Ковров... – и указал на своего спутника.

Младший лейтенант кивнул:

– Здравствуйте! – И представился: – Саша.

Муж пригласил гостей в комнату, я направилась следом.

– Так в чём проблема, Олег Сергеевич? – осведомился Петр Семенович, лучезарно улыбаясь сидящей в кресле Лидке.

Олег подробно обрисовал вышеупомянутую проблему и даже предъявил бутылку. Правда, уже пустую. Пока муж живописал создавшуюся ситуацию, я с интересом наблюдала за выражением лиц наших гостей. Брови милиционеров то синхронно ползли вверх, то спускались обратно, однако глаза мрачнели, что, впрочем, было не особенно удивительно. К концу повествования младший лейтенант несколько раз нервно оглядывал то меня, то Олега, видимо, силясь на глаз определить какие-нибудь психические отклонения. Я его не винила.

Наконец муж умолк. Милиционеры украдкой переглянулись.

– Так говоришь... кх-м... стол накрыли? И посуда не ваша? – с некоторым трудом подбирая слова, уточнил Петр Семенович.

Я покачала головой.

– И вино не ваше?

Я снова затрясла головой.

– Дорогое? – С видом заправской собаки он обнюхал горлышко бутылки и пренебрежительно поморщился.

– «Шато... ло-ре... де... », – с умным видом влезла Лидка, но я цыкнула и кивнула капитану:

– Дорогое...

– Тарелки?

– Первый раз вижу, – твёрдо сказал Олег, и все посмотрели на меня.

– Я тоже! – испугалась я, и мы дружно посмотрели на Лидку.

Лидка вытаращила глаза и возмущенно фыркнула:

– Ну это уже чересчур!

Петр Семёнович шумно выдохнул и почесал в затылке.

– Хм! Ядрёна шишка, первый раз такое! Выносить вещи из чужого дома – выносили, но чтоб свои приносили в чужой...

Тут проявился младший лейтенант Саша:

– Может, родственники?

– Нет, – отозвался Олег. – Исключено.

Мы расселись, и капитан продолжил расспросы:

– Дверь, говорите, была заперта? Саша, давай начнём с замка! – Саша кивнул, забрал ключи и скрылся в коридоре. – А почему в квартире беспорядок?

Я заёрзала, в беспокойстве глянув на Лидку. Она тоже глупо моргала, не в состоянии сообразить, как быть: рассказать о маньяке или промолчать. Однако опытное милицееское око мгновенно уловило «прокол» в нашем поведении, и на нас обрушился град каверзных вопросов. Мы и пикнуть

не успели, а капитан уже знал и о странных звонках, и о металлическом басы телефонного незнакомца.

Естественно, вместе с капитаном всё это слышал и Олег. Глаза его неуволвимым образом изменились, словно потемнели. Чуть склонив голову набок, он окинул меня долгим изу-чающим взглядом и усмехнулся:

– Что ж ты мне ничего не рассказала? – Я по известной причине помалкивала, внимательно разглядывая пуговицы на милицейском кителе. – Маленькие женские секретикки?

Меня выручил Петр Семёнович:

– Ну это невелика завыка! Сейчас от населения много жалоб поступает по сходным вопросам. А звук такой, потому что через модулятор говорит. Это сейчас модно. Поставим АОН – в момент разберёмся, кому пришла охота шулки шутить!

В гостинной снова появился Саша. Он улыбался столь об-ворожительно, что я невольно ответила ему тем же.

– Вот, – торжественно объявил лейтенант, выкладывая наши ключи на тумбу, – теперь всё ясно. Ваш замок никогда не открывался ничем, кроме родных ключей, – и он ткнул в них пальцем, – имеющихс в наличии.

Я судорожно вздохнула. Муж смотрел на меня с ласковой улыбкой, подозрительно напоминающей ту, с которой вождь мирового пролетариата смотрел на распоясавшуюся буржу-азию.

Я поймала себя на мысли, что думаю только о том, что сегодня сообщит капитан. Вчера вечером Саша снял отпечатки пальцев с таинственного сервиза, а заодно и у всех нас, включая Лидку, что, надо признать, подруге вовсе не понравилось. Беспокоило странное поведение мужа: после ухода посторонних мы не скандалили и не выясняли отношений. Олег просто лег, отвернулся носом к стенке и преспокойно уснул. А я полночи ломала голову, пытаюсь представить, чем же вся эта история закончится.

– Ну заполнила? – Очнувшись от задумчивости, спросила я, повернувшись к медсестре. Жанна кивнула. Мельком оглядев готовый файл, я машинально хмыкнула. – Не понимаю... Почему терапевт постоянно направляет к нам здоровых клиентов? Чего понапрасну морочить людям головы?

– Деньги, – безразлично пожала плечами Жанна.

Я вздохнула, в глубине души соглашаясь.

– Кто там у нас ещё сегодня? – Целиком сосредоточится сегодня на работе у меня никак не получалось.

– Ещё двое... Бобиков Илья Демидович, тридцать лет. И Заграничная Ангелина Марковна, пятьдесят девять...

– Благословенный возраст, – коротко вздохнула я. – Ну, зови...

Жанна нажала кнопку вызова, и через пару секунд в дверь деликатно постучали.

– Здравствуйте, Илья Демидович! – улыбнулась я, разглядывая смущенного коротышку в забавной пёстрой рубашке. – Проходите, присаживайтесь!

Илья Демидович аккуратно присел на краешек стула, протянул результаты исследований и, все больше смущаясь, поведал о том, что никаких жалоб у него нет, но терапевт все же рекомендовал ему обратиться к специалисту.

– Зачем? – вырвалось у меня, но с эмоциями, по крайней мере внешне, удалось совладать. – Ну что ж... Давайте посмотрим...

Возможно, у гражданина Бобикова и были какие-нибудь проблемы с мозгами или с кишками, но сердечно-сосудистая система у него была в полном порядке.

«Мне бы его давление! – ласково улыбаясь пациенту, думала я, уже натурально начиная злиться. – Что за врачи здесь?»

Бобиков продолжал перечислять доводы, приведенные терапевтом, я выудила из общей массы разумное зерно и подтвердила:

– Безусловно, вам стоило бы бросить курить..

Бобиков проникся и умолк, обдумывая предложение.

Ничего более существенного я ему предложить не могла. Тридцатилетний коротышка был до неприличия здоров.

Пока я разбиралась с пациентом, Жанна прилежно заполняла его медкарту, азартно шлёпая по клавиатуре со скоростью заправской машинистки.

– Редкая у вас группа крови! – вслух удивилась она, когда Бобиков уже поднимался со стула.

Он застенчиво улыбнулся:

– Да-да, мне все врачи это говорят...

Когда за Бобиковым закрылась дверь, Жанна хихикнула:

– Надо же! С таким здоровьем и холост!

Пока она возилась с файлом обладателя редкой крови и редкого здоровья, я снова вспомнила о Петре Семёновиче. Милиционер обещал позвонить в семь, остался последний пациент, так что я вполне успеваю... Сегодня утром по дороге на работу я даже договорилась с хозяином «девятки», чтобы ждал в половине седьмого возле проходной. Бурной радости он не проявил, но всё же пообещал приехать.

Среагировав на звук открываемой двери, я заранее растянула губы в улыбке:

– Здравствуйте, Ангелина Марковна!

После чего улыбка самостоятельно покинула привычное месторасположение, а слова застряли в горле... В мой кабинет твёрдой поступью входила хозяйка чернобрового Арнольда...

На ходу поправляя соскакивающий ремешок босоножки, я резво допрыгала до лифта и хлопнула ладонью по кнопке вызова. Большие белые часы на противоположной стене по-

казывали восемнадцать пятьдесят две, это означало, что к семи мне до дома категорически не добраться. Вряд ли хозяин «девятки» будет ждать полчаса за те копейки, которые я ему плачу. Хотя по сравнению с тем, что, возможно, завтра меня из «Медирона» уволят, это полнейшие пустяки. И всё потому, что последним сегодняшним пациентом оказалась именно Заграничная Ангелина Марковна. По-моему, с другими людьми таких глупых совпадений просто не случается!

Аккуратно прикрыв за собой дверь, Ангелина Марковна проплыла до стула и с тяжким вздохом села, церемонным кивком отвечая на приветствие. Я пришибленно помалкивала, пытаюсь сообразить, как быть. Может, она меня не узнает? Белый халат и шапочка явно сбили её с толку, и еще несколько мгновений дама демонстрировала расслабленное предсмертное состояние, окидывая отсутствующим взглядом стены кабинета. Наконец она сфокусировалась на моем лице, и в зрачках, спрятанных в тени полуприкрытых накрашенных век, что-то дрогнуло. Вот лицо её вытянулось, глаза округлились, и Ангелина Марковна издала странный звук, словно пыталась сдуть с носа муху. Так и не определившись, как себя вести, я широко улыбнулась. Гражданка Заграничная повела плечами, как бы разминаясь перед боем, и суровым голосом уточнила:

– Так это ты?

Факт был неоспоримый, и я кивнула. Жанна взглянула в нашу сторону с удивлением, но где ей было понять, что про-

исходит! Может, на том все бы и закончилось, но тут сам чёрт, не иначе, толкнул меня под руку, а вернее, дёрнул за язык. Улыбнувшись тридцатью двумя зубами, я любопытствовала:

– Как Арнольд поживает?

Подозреваю, минут за десять до нашей встречи Ангелина Марковна собиралась тихо предаться в руки смерти, теперь же решила с этим повременить и разобраться с делами более неотложными. Итак, щеки её приобрели здоровый румянец и глаза заблестели. Набрав полную грудь свежего воздуха, она с энтузиазмом взялась поносить меня, мою подругу, а заодно Жанну и «Медирон» вообще, называя его сотрудников «никчемными коновалами». Мы с медсестрой горячо вступились за честь центра, но сегодня явно был не наш день, и против пациентки мы не потянули. Нам не хватало Лидки.

Первой не выдержала Жанна. Возмущенно хлопнув ладошкой по столешнице, она вскочила на ноги и, выразительно ткнув пальцем, назвала Ангелину Марковну сумасшедшей старухой. Казалось, та только этого и ждёт.

– Ах, так?! Хорошо... – на губах мадам заиграла злорадная улыбка. – Имейте в виду, я этого так не оставлю! Я буду жаловаться!

Затем она встала и бодро промаршировала до двери, покинув нас по-английски – не простившись. Дверь кабинета стоически перенесла прощальное прикосновение старушки, лишь слегка облетела с косяка штукатурка.

Мы с Жанной посидели, потом молча переглянулись. На глаза медсестры явно напрашивались слёзы. Она чуть слышно всхлипнула и уточнила:

– Любовь Петровна, а что в карту писать?

– Ничего, – невесело отозвалась я. – Туда и без нас много чего напишут...

– Что же теперь будет?

Меня это тоже беспокоило, но, чтобы окончательно не расстраивать Жанну, я беспечно пожала плечами:

– Ничего не будет! Эта старушенция сама на нас набросилась. Мы здесь совершенно ни при чём.

Мой тон её не обманул, и она запричитала, потерянно тряся головой:

– Теперь меня уволят... Точно уволят...

«А перед этим уволят меня...» – подумала я и машинально взглянула на часы. Они показывали без десяти семь.

– Тьфу ты! – Я вскочила. – Жанночка, пожалуйста, закрой кабинет сама!

Медсестра смотрела на меня отсутствующим взглядом, а я подхватила свою сумку и выбежала вон.

К безмерному моему удивлению, метрах в двадцати от проходной стояла серая «девятка», а её хозяин, развалившись на сиденье, преспокойно читал газету.

– Игорь Фёдорович! – гаркнула я в окошко. – Спасибо, что дождались...

Игорь Фёдорович подпрыгнул вверх, выронив газету.

– Ты с ума, что ли, сошла? – Он сердито нахмурился. – Разве можно так людей пугать?

– Извините, пожалуйста... – торопливо забормотала я, решительно плюхаясь на сиденье. – Только давайте поедem быстрее! Я сильно опаздываю!

Христенко перекинул газету на заднее сидение и завёл мотор.

– Случилось, что ли, чего?

– Нет... Но я очень тороплюсь!

– Да? – хмыкнул он. – Насколько «очень»?

– К семи.

– Ага! – кивнул Игорь Федорович, кидая короткий взгляд на часы.

И мы... понеслись.

Когда, наконец, машина остановилась, я осторожно приоткрыла один глаз и скосилась в окошко. Мы находились во дворе нашего дома.

– Всё? – тонким голосом спросила я и закашлялась.

– Всё, – отозвался Христенко. – Извини, опоздали на одну минуту.

Сунув ему деньги, я попыталась нащупать ручку дверцы, бормоча, что всё в полном порядке, не стоит беспокоиться. Понаблюдав за моими жалкими попытками, Христенко покачал головой и, потянувшись, открыл её сам. Я вылезла, пошатываясь, и жадно глотнула воздуха. Так быстро я ещё никогда не ездила. Так быстро я даже не летала.

Олег был дома. Мало того, он был не один. Заслышав голоса, я живо сбросила обувь и прошлёпала на кухню. Но не успела сделать и пару шагов, как Олег заговорил, и я инстинктивно замерла:

– Вот в том-то и дело! Сам не знаю, как быть! Она же ведь недавно упала, сотрясение мозга было. Раз прихожу – стол накрыт, сидит одна пьёт! Так что с ней... случается... То машина чуть её не сбила...

Поняв, что подслушиваю чужой разговор, я смутилась, не сразу даже сообразив, о ком идёт речь. Поэтому шагнула назад и громко хлопнула входной дверью.

На кухне сидели двое. Гость обернулся, и я опознала Климина.

– Здравствуйте... – растерялась я, моргая на кое-как порезанные куски колбасы, кучкой наваленные на суповой тарелке.

Рядом красовался батон белого хлеба, резать который и вовсе посчитали излишним, и наполовину открытая банка шпрот. Венчала это кулинарное великолепие полупустая бутылка водки. Продолжать настаивать, что стол в соседней комнате был также сервирован руками моего супруга, мог только абсолютно сумасшедший.

Словно услышав мои мысли, Олег театрально развел ру-

ками:

– Вот... Некуда гостя пригласить... – и кивнул на Климина.

Тот несколько смущенно улыбнулся:

– Здравствуйте, Любовь Петровна! – И выдвинул мне табурет. – Присаживайтесь!

– Спасибо... – пролепетала я, окончательно теряясь.

Зачем он приехал, если сказал, что позвонит? И почему они оба смотрят на меня с ласковой безнадежностью, словно сидят у смертного одра?

– Вот, мимо ехал, решил к вам заглянуть. Заодно взял АОН, чтобы время даром не терять... Поставим – мигом узнаем, кто хулиганит, – доходчиво пояснил гость.

Он объяснял ещё что-то насчет определителя номера, но меня интересовало другое.

– А что насчёт отпечатков? – вежливо встряла я в первую же паузу.

Тут капитан замаялся. Сердце у меня ухнуло, и я испуганно глянула на мужа. Он тоже смотрел на меня, и во взгляде по-прежнему сквозило болезненное сочувствие.

– А насчёт отпечатков... – кашлянул в кулак Климин. – Отпечатки на посуде присутствуют. Ваши и вашей подруги... Вельниченко Лидии Максимовны...

Я ждала, вопросительно глядя на капитана. Однако казалось, что сказать ему больше нечего.

– И что же?

– Ничего, – пожал плечами Климин.

– То есть вы хотите сказать, что никаких отпечатков нет?

– Почему же нет? – возразил Климин. – Есть. Ваши и вашей...

– Это понятно, – перебила я, теряя терпение. – Странно, если бы их не было! Мы ведь брали в руки каждую тарелку. Но я имею в виду чужие отпечатки. Разве не странно, что их нет? Посуду же кто-то принёс, кто-то расставлял её на столе... Хотя бы продавец в магазине должен был держать её в руках!

Пока я разговаривала с милиционером, Олег жевал колбасу, задумчиво глядя куда-то в пространство над моей головой. Казалось, вся эта сумасшедшая история мало его интересует.

– Ничего странного, – пожал плечами, отозвался капитан, подливая себе и Олегу водочки. – Как правило, каждая женщина моет новую посуду перед употреблением.

– Как... – начала я, но сбилась, поскольку капитанская мысль до меня наконец дошла. – Что вы хотели этим...

– Люба! – встрял вдруг Олег голосом смертельно уставшего человека. – Тебе ещё не надоело? Что за глупость ты выдумала? Наверняка не одна, а с этой дурой Вельниченко... Будем! – Тут они с Климиным чокнулись и дружно выпили. – Она с самой школьной скамьи пыльным мешком трёхнутая! Ну зачем всё это нужно? Чего ты добиваешься?

Пока я, открыв рот, ошарашенно моргала на супруга, он

выловил из банки истекающую маслом рыбку и забросил в рот, словно мяч в баскетбольную корзину. Гость проделал то же самое с куском колбасы. И теперь, активно двигая челюстями, они оба смотрели на меня с весёлым недоумением: что, мол, голубушка, не прошла твоя очередная женская глупость?

Я молча кусала губы, переводя взгляд с одного на другого, ясно чувствуя, что горькие слёзы обиды на вселенскую несправедливость уже где-то совсем близко.

«Что тогда сказала Лидка? «Интересно, чего он добивается: развода или психушки?» Действительно, интересно... Не постеснявшись выглядеть дураком в глазах посторонних, обращается к знакомому милиционеру... – Я мысленно хмыкнула, позабыв, что собиралась плакать. – Если, конечно, этот знакомый не помогал Олегу расставлять эти проклятые тарелки на нашем столе... А что? Мало разве продажных милиционеров? Милиция... Стоп! – вдруг вспомнила я. – Ведь что говорил псих? Что-то типа: «Беги от милиции, как чёрт от ладана»? Или вроде того... Зачем он это сказал? Может быть, он и имел в виду что-либо... подобное?»

– Я буду в гостинной, – тихо сказала я, поднимаясь.

И ушла в комнату.

Минут через двадцать появился Климин.

– Спасибо за ужин! – Если бы не серьёзный тон, я бы обязательно решила, что он издевается. – Любовь Петровна, я вам, как и обещал, определитель установил. Никаких пре-

мудростей тут нет, главное, дождаться, чтобы номер телефона на панели появился. Вы его запишите, и мне перезвоните. Мы вашего хулигана вмиг достанем!

Я глядела на капитана, прикидывая, что же наговорил ему про меня муж. Климин говорил со мной внятно и ласково, словно с умалишенной. Не совсем, конечно, но частично.

– Да, – кивнула я. – Большое спасибо... Я всё поняла...

Климин обрадовался моей понятливости, попрощался и ушёл. Я задумалась. Поэтому не заметила, когда в комнату вошёл Олег.

– Ну, что? – Услышав его насмешливый голос, я вздрогнула. Он сидел в кресле возле двери. – Спектакль окончен?

Мне снова захотелось плакать. Жизнь показалась полной бессмыслицей, мерзкой, глупой и, самое главное, никому не нужной. Но я хорошо знала, что слёзы Олега лишь рассмешат.

– Олег, – с трудом подбирая слова, я отчаянно пыталась сохранять спокойствие, – что-то у нас не так...

– Да ну? – хрюкнул муж.

– Перестань! Нам надо поговорить... Я больше так не могу. Правда, не могу! Иногда мне кажется, что я начинаю сходить с ума! И не могу понять, чего ты от меня ждёшь. Но... если ты всё ещё хочешь... – судорожно сглатывая, я стискивала замёрзшие пальцы, словно перелезая через огромную, усеянную острыми ледяными шипами, гору, – ...если хочешь... Я согласна на развод...

Однако потолок не рухнул, пол не разверзся, и сердце мое продолжало стучать, может, немного сильнее, но в пределах допустимого. Муж тоже не рухнул замертво, зато вполне банально усмехнулся:

– Вот как ты заговорила!

– Ты просто не хочешь понять...

– Куда уж мне!

– Пожалуйста, давай поговорим серьёзно! Я люблю тебя.

Но так жить больше нельзя.

– Конечно, – снова усмехнулся он, и в его голосе появилось раздражение. – Я ведь не могу делать таких царских подарков! Извини! Ради любопытства поинтересовался, сколько стоит такой фарфор. Знаешь, я тебя поздравляю: он стоит целую кучу денег!

– Что ты имеешь в виду? – ахнула я. – Ты сошёл с ума!

– Слава богу! – зло рассмеялся Олег. – Теперь-то мы знаем, кто здесь сумасшедший! – Он вскочил на ноги и, шагнув к двери, оглянулся: – Что ж, можешь в тишине мечтать о разводе. Мечтать, как утверждают, не вредно!

Я долго смотрела ему вслед, сотый раз перебирая в уме сказанное мужем. Вывод поразил своей простотой и очевидностью:

– Кажется, он только что отказал мне в разводе...

Ближе к обеду в кабинет зашла дежурная сестра.

– Любовь Петровна, зайдите в перерыве к Исмаилянцу.

– К Исмаилянцу?! – охнула, вскидывая ладошки, Жанна. – Точно, пожаловалась старуха... Уволят... Теперь как пить дать уволят!

За несколько дней работы я уже немного освоилась с лабиринтами «Медирона», поэтому до кабинета замглава добралась довольно быстро. Однако в животе тоненько посаывало, и где-то в подсознании я тайно мечтала заблудиться. Но мечтать, как сказал любимый супруг, не вредно. И вот я стояла возле неплотно прикрытой двери Акопа Ашотовича, судорожно перебирая в уме, что сказать в первую очередь.

Внезапно до слуха донёсся женский голос. Я напряглась, поняв, что в кабинете находится Шушана Беркоевна Циш.

– Одумайся, Акоп! – воскликнула она, и я моментально юркнула в сторону. – С этим не шутят! Сейчас ты думаешь не мозгами, а совсем иным местом! А она явно ошиблась. Они же не виделись много лет. И это лишь слова! Со временем из ягненка вырастает баран, и слова надо проверять делом.

Послышался скрип стула, потом звук открываемого письменного ящика. Видимо, Исмаилян копался в своем столе. Он вздохнул:

– Перестань, Шушана! Ты же хорошо её знаешь и знаешь, что она никогда нас не подводила. Вот, прочти ещё раз... Ну что тебе ещё нужно? Исполнительность, преданность, скромность...

– Снова одни слова! – яростно взвилась Шушана. – Говорю тебе, одумайся, пока не поздно! Скромность и преданность – не совсем то, что нам нужно...

– Деньги сделают то, что надо, Шушана, не забывай, – тихо произнес Акоп Ашотович. – Она хороший специалист, и у неё мало денег...

– Мало? – фыркнула она в ответ. – У её мужа нет денег?

Я стояла, прижавшись всем телом к стене, боясь шевелиться. Станный разговор почему-то пугал, хотя у меня не было оснований считать, что он относится именно ко мне. Но сердце колотилось, внося смятение и тревогу, и теперь я думала о том, как бы незаметно отсюда убраться.

– Кстати, насчет исполнительности – уже был сигнал с поста... А скромность? О чём может идти речь, если она ни в грош не ставит пациентов? Ни с того ни с сего назвать почтенную женщину блохастой сучкой...

– Не сучкой, а валенком, – возмущенно поправила я, внезапно оказываясь в кабинете. – К тому же это был кобель. Здравствуйте!

Увидев выражение их лиц, я опомнилась и похолодела.

«Уже уволили...» – и поняла, что терять теперь практически нечего.

– Извините, я, кажется, забыла постучать! Дверь была открыта. – И, продемонстрировав лучшую из своих улыбок, уточнила: – Я не вовремя?

Первым пришел в себя замглав.

– Э-э-э... – затынул Акоп Ашотович, словно собираясь исполнить что-то национальное. – Что вы, Любовь Петровна, проходите... Здравствуйте! Ну как вам у нас работается?

Я подивилась изощренному коварству замглава, но вовремя вспомнила о повадках бабы-яги: сначала помыть-покормить и только потом слопать.

– Прекрасно! Замечательный кабинет, отличное оборудование, чуткие пациенты... Мне благодарности ещё не писали?

– Нет, – растерялся Исмаилян.

Не растерялась Шушана Беркоевна:

– Зато жалобы на вас были, голубушка.....

– Да? – безмерно удивилась я. – В этом центре жалобы на врачей медсестрам пишут?

Шушана так хапнула ртом, что прикусила язык. Может, и не прикусила, но рта больше не раскрывала.

По лицу Акопа Ашотовича трудно было понять, как он отнёсся к моей выходке. Не обращая больше внимания на главную медсестру, мы с ним вполне серьёзно поговорили о работе. Меня сильнейшим образом подмывало обсудить привычку местных терапевтов направлять к специалисту здоровых пациентов, но я сдержалась. В конце концов, я здесь без году неделя, и, возможно, у них есть на то свои причины.

В конце нашей почти дружеской беседы Акоп Ашотович сделал мне замечание:

– С поста доложили, что вас не было при сдаче ключа. – Я

промолчала. – Постарайтесь больше такого не допускать. Порядок есть порядок, и правила должны выполняться неукоснительно.

На этом мы распрощались. Закрывая за собой дверь, я краем уха слышала:

– К чёрту, Шушана! Уж лучше баран, чем овца!

На выходе из «Медирона» меня ожидал приятный сюрприз – я бросила мимолетный взгляд на дорогу и увидела «Жигули» Христенко. Он выруливал из ворот швейного объединения, расположенного на противоположной стороне дороги метрах в пятидесяти от нашей проходной. Игорь Фёдорович активно вертел головой, пропуская встречный транспорт. Тут на глаза ему попала я. Лихо развернувшись, он подкатил к бордюру:

– О! Это опять ты?

«Что значит «опять»? – с неодобрением подумала я. – Или он считает, что я его тут специально караулю?»

И сухо кивнула:

– Добрый вечер!

– С работы? – Не дожидаясь ответа, Христенко мотнул головой: – Ну, залазь!

– Спасибо. Но у меня денег нет.

В глазах водителя что-то погасло. Пару секунд он боролся

с собой, победил и махнул рукой:

– Чёрт с тобой! По дороге что-нибудь интересное расскажешь.

Роль радио меня не слишком вдохновила. Однако в воспитании Игоря Фёдоровича, особенно по части обращения с женским полом, имелись явные пробелы. Решив, что именно эта тема и будет преобладающей в моём рассказе, я живо устроилась на переднем сиденье.

Очутившись дома, я первым делом собрала со стола злополучный сервиз и сложила в картонную коробку. Сверху пристроила амуров со свечками.

– И всех дел! – громко сказала я, вышла на лестничную клетку и позвонила к Ферапонтову.

Тот оказался дома.

– Коленька, – ласково улыбнулась я, исподволь выглядывая на физиономии молодого человека следы очередной попойки. После блестящей лекции, прочитанной только что Христенко, меня отчего-то потянуло в воспитательные дебри. Но ничего достойного внимания на лице соседа не отобразилось. – Помоги, пожалуйста, поднять коробку на антресоль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.